

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

СХІХ Международная научная конференция

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

КАЗАНЬ

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43
И88

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*
Редакционная коллегия:

Э.А. Бердиев, Ю.В. Иванова, А.В. Каленский, В.А. Куташов, К.С. Лактионов, Н.М. Сараева, Т.К. Абдрасилов, О.А. Авдеюк, О.Т. Айдаров, Т.И. Алиева, В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, О.Е. Данилов, А.В. Дёмин, К.В. Дядюн, К.В. Желнова, Т.П. Жуикова, Х.О. Жураев, М.А. Игнатова, Р.М. Искаков, К.К. Калдыбай, А.А. Кенесов, В.В. Коварда, М.Г. Козоморцев, А.В. Котляров, А.Н. Кошербаева, В.М. Кузьмина, К.И. Курпаяниди, С.А. Кучерявенко, Е.В. Лескова, И.А. Макеева, Е.В. Матвиенко, Т.В. Матроскина, М.С. Матусевич, У.А. Мусаева, М.О. Насимов, Б.Ж. Паридинова, Г.Б. Прончев, А.М. Семахин, А.Э. Сенцов, Н.С. Сенюшкин, Д.Н. Султанова, Е.И. Титова, И.Г. Ткаченко, М.С. Федорова С.Ф. Фозилов, А.С. Яхина, С.Н. Ячинова

Международный редакционный совет:

З.Г. Айрян (Армения), П.Л. Арошидзе (Грузия), З.В. Атаев (Россия), К.М. Ахмеденов (Казахстан), Б.Б. Бидова (Россия), В.В. Борисов (Украина), Г.Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А.М. Данилов (Россия), А.А. Демидов (Россия), З.Р. Досманбетова (Казахстан), А.М. Ешиев (Кыргызстан), С.П. Жолдошев (Кыргызстан), Н.С. Игисинов (Казахстан), Р.М. Искаков (Казахстан), К.Б. Кадыров (Узбекистан), А.В. Каленский (Россия), О.А. Козырева (Россия), Е.П. Колтак (Россия), А.Н. Кошербаева (Казахстан), К.И. Курпаяниди (Узбекистан), В.А. Куташов (Россия), Э.Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л.В. Малес (Украина), М.А. Нагервадзе (Грузия), Ф.А. Нурмамедли (Азербайджан), Н.Я. Проккопьев (Россия), М.А. Прокофьева (Казахстан), Р.Ю. Рахматуллин (Россия), М.Б. Ребезов (Россия), Ю.Г. Сорока (Украина), Д.Н. Султанова (Узбекистан), Г.Н. Узаков (Узбекистан), М.С. Федорова, Н.Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А.К. Шарипов (Казахстан), З.Н. Шуклина (Россия)

Исследования молодых ученых : материалы СХІХ Междунар. науч. конф. И88 (г. Казань, март 2026 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — Казань : Молодой ученый, 2026. — vi, 100 с.

ISBN 978-5-6054100-4-1.

В сборнике представлены материалы СХІХ Международной научной конференции «Исследования молодых ученых».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, а также для широкого круга читателей.

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43

ISBN 978-5-6054100-4-1

© Оформление.
ООО «Издательство Молодой ученый», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Минлибаев Л.М.

Разработка модели установки производства водорода в Aspen HYSYS с последующим модифицированием 1

МЕДИЦИНА И ФАРМАКОЛОГИЯ

Вуйнович Д.Д., Тишков С.В., Маркеев В.Б., Виноградов В.П., Мистюков В.Л., Блынская Е.В.

Проблемы оценки сегрегации частиц при разработке таблеток и капсул . . 9

ЭКОНОМИКА

Айболатова А.А.

Учетно-аналитическое обеспечение ESG-мониторинга в системе госзакупок на основе интегрированных данных 14

Прищепа Г.Д.

Цифровой рубль как инструмент перераспределения финансовой власти: институциональный анализ трансформации банковской системы Российской Федерации 17

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Аитов А.Б.

Разграничение цифровой валюты и криптовалюты в российском праве: правовая природа и пределы регулирования. 22

Зубаиров А.Р.

Философия права в трудах Ивана Александровича Ильина 28

Михайлинский Г.О.

Наследственное право Российской Федерации: развитие и перспективы 32

Сергеев А.А.

Проблемы имплементации международно-правовых стандартов
противодействия наркопреступности в законодательство стран
Юго-Восточной Азии. 37

И С Т О Р И Я

Амиров А.В.

Ольстерский национализм – отчужденная идеология
Северной Ирландии 41

С О Ц И О Л О Г И Я

Saduakasova K.O.

Analysis of the theoretical and methodological concepts of researchers
on «Gender Roles» 46

Сыздыкова М.Б.

Социальные ценности и профессиональный статус женщин –
топ-менеджеров в Казахстане 50

П С И Х О Л О Г И Я

Петренко М.С.

Сравнительный анализ динамики и структуры интернет-зависимости
у подростков: от 2000-х к 2025–2026 годам. 54

П Е Д А Г О Г И К А

Боева А.Ю.

Современные технологии предотвращения речевых дисфункций
у детей раннего возрастного периода 58

Колыганова М.В.

Развитие речи детей в условиях дошкольного пространства 63

Кузьмина Т.С.

Формирование ритмико-интонационных навыков у младших
школьников посредством песенного материала на уроках
английского языка. 68

Светлова Ю.И.

Применение медиаобразовательных методов на уроках русского языка и литературы в СПО с использованием искусственного интеллекта 73

Чувайченко И.О., Найн М.И.

Формирование здорового образа жизни у детей дошкольного возраста: роль семьи и дошкольной образовательной организации 80

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**Самойленко М.В.**

Произведения методической направленности Артёма Нижника петербургского периода 85

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА**Karabayeva Y.S.**

Russian language as a mediator in international communication in the advertisement's translation. 90

Смирнов Н.А.

«Боривой». Поморское сказание: песня о подвиге далеких родичей 93

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Разработка модели установки производства водорода в Aspen HYSYS с последующим модифицированием

Минлибаев Линар Маратович, студент магистратуры

Научный руководитель: Белоусова Ольга Юрьевна, кандидат технических наук, доцент

Уфимский государственный нефтяной технический университет

В статье рассматривается процесс разработки модели технологической установки по производству водорода на основе принципиальной технологической схемы с последующим внедрением в модель реакторов предриформинга и каталитического парциального окисления.

***Ключевые слова:** установка производства водорода, Aspen HYSYS, паровой риформинг, предриформинг, каталитическое парциальное окисление.*

Моделирование технологического процесса является необходимым этапом в жизненном цикле проекта. Достаточно проработанная модель технологической установки позволяет:

- производить расчёт технологического оборудования;
- определять физико-химические свойства материальных потоков;
- составлять материально-тепловые балансы;
- подготавливать необходимую графическую и текстовую документацию по процессу.

Широкое применение для выполнения указанных задач нашёл программный комплекс под названием Aspen HYSYS. Данное программное обеспечение обладает мощным функционалом, позволяющим создавать точные модели технологических процессов, в том числе по производству водорода.

Для моделирования типовой версии установки производства водорода (УПВ) разработана принципиальная технологическая схема (ПТС), базирующаяся на сведениях таких ведущих лицензиаров технологии парового риформинга, как Lurgi, Haldor Topsoe и Foster Wheeler [1].

ПТС представлена на рисунке 1.

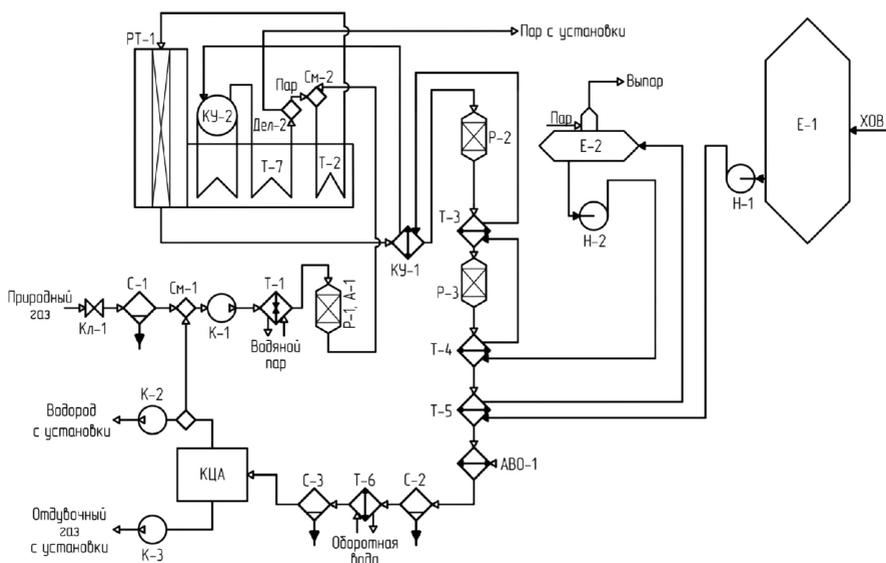

Рис. 1. Принципиальная технологическая схема типовой УПВ

Сырьевой газ поступает на установку через клапан Кл-1. Далее газ отбивается от технологического конденсата в сепараторе С-1.

Сырьё смешивается с техническим водородом в смесителе См-1 и поступает на приём компрессора К-1, подогревается водяным паром в теплообменнике Т-1 и направляется в гидрогенизатор Р-1, где производится перевод серосодержащих соединений в сероводород. Гидрированный поток проходит через адсорбер А-1, в котором удаляется образовавшийся H_2S .

Очищенный поток газа смешивается с водяным паром в смесителе См-2 и нагревается теплом дымовых газов в теплообменнике Т-2, расположенном в конвекционной части печи риформинга. Далее парогазовая смесь поступает в реакционные трубы РТ-1, где образуется синтез-газ.

Горячий поток направляется в котёл-утилизатор КУ-1, в котором испаряется часть химически очищенной воды (ХОВ). Охлаждённый синтез-газ поступает в реактор высокотемпературной конверсии СО Р-2, затем тепло потока поглощается водой в теплообменнике Т-3, после чего он направляется в низкотемпературный конвертор Р-3.

Конвертированный газ последовательно охлаждается с помощью ХОВ в теплообменных аппаратах Т-4, Т-5 и аппарате воздушного охлаждения АВО-1, после чего в сепараторе С-2 и С-3 с промежуточным охлаждением оборотной водой в теплообменнике Т-6 от потока отделяется образовавшийся конденсат.

Осушенный и охлаждённый синтез-газ поступает в блок КЦА, где происходит концентрирование водорода до 99,97% мольн. Отдувочный газ направляется в топливную сеть завода, а целевой поток водорода разделяется на два в делителе Дел-1. Часть продукта направляется на гидрирование сырья в смеситель См-1, остальной поток компрессором К-2 выводится с установки.

ХОВ с котельной предприятия поступает в приёмную ёмкость Е-1, откуда насосом Н-1 прокачивается через Т-5 и поступает в выпарную ёмкость Е-2, где происходит дегазация воды водяным паром. Из Е-2 насосом Н-2 ХОВ последовательно прокачивается через Т-4, Т-3 и КУ-1.

Для утилизации тепла дымовых газов ХОВ проходит котёл-утилизатор КУ-2 и пароперегреватель Т-7, расположенные в конвекционном шкафу печи. В делителе Дел-2 часть водяного пара выводится с установки к потребителям, а балансовое количество направляется на смешение с сырьём в заданном соотношении в смеситель См-2.

В базис модели заложен термодинамический пакет на основе уравнения состояния Пенга-Робинсона.

Исходные данные для моделирования установки на основе ПТС принимаются исходя сведений в базовых проектах технологий парового риформинга.

Для дальнейшей корректировки состава сырья в модель закладываются углеводороды C_1 - C_6 , что позволит смоделировать вариант работы как на природном, так и нефтезаводском газе. Для введения в работу блока подготовки сырья в модели присутствуют наиболее распространённые в лёгких газах вещества — метилмеркаптан и сероуглерод.

Разработанная модель типовой установки представлена на рисунке 2.

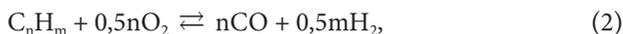
В ходе реакций паровой конверсии возникает вероятность образования чистого углерода на никелевых центрах. Так как образующийся углерод представляет собой прочные углеродные волокна, возникает риск механического разрушения катализатора, перегрева и разгерметизации реакционных труб. Эффект закоксовывания усиливается при использовании в качестве сырья процесса углеводородов C_{2+} .

Зачастую снабжение установки сырьём, содержащим постоянное и большое количество метана, невозможно, так как линия подачи природного газа может нуждаться в периодическом ремонте или реконструкции, что приводит к не-

Для снижения нагрузки на печь применяется технология комбинированного риформинга, заключающегося в последовательном паровом риформинге и каталитическом парциальном окислении (КПО).

КПО происходит в шахтном реакторе, заполненном катализатором паровой конверсии, а также снабжённым подводом кислорода или воздуха. В реакторе протекает экзотермическая реакция (2), тепло которой расходуется на превращение остатков сырья по реакции паровой конверсии:

Данный подход позволяет не только разгрузить печь паровой конверсии, снизив температуру на выходе из печи до 700°C [1], но и увеличить величину конверсии метана до 90%.

Ограничением в использовании комбинированного риформинга служит необходимость подвода кислорода или воздуха к реактору, что требует сооружения азотно-кислородной или азотно-воздушной станции.

На рисунке 3 демонстрируется модифицированная версия модели типовой установки.

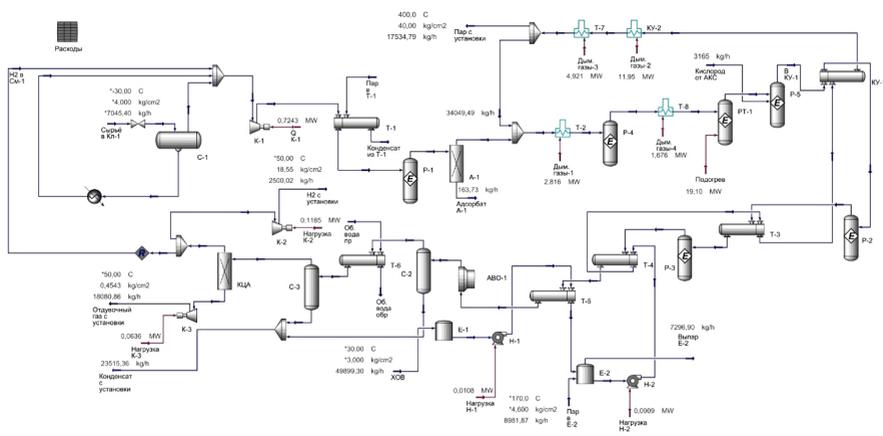

Рис. 3. Модифицированная модель УПП

В качестве сырья для экспериментов приняты метан- и пропансодержащий газы, составы которых представлены в таблице 1.

Таблица 1. Составы сырья

Компонент	Доля компонента, % мольн	
	Метансодержащий газ	Пропансодержащий газ
-CH ₄	89,14	1,1
-C ₂ H ₆	6,99	6,2
-C ₃ H ₈	2,11	78,6
-i-C ₄ H ₁₀	0,29	6,6
-н-C ₄ H ₁₀	0,27	6,4
-i-C ₅ H ₁₂	0,04	0
-н-C ₅ H ₁₂	0,03	0
-н-C ₆ H ₁₄	0,01	0
-CH ₃ SH	0,4	0
-H ₂ S	0,6	0,4
-CS ₂	0,12	0
-N ₂	0	0,5
-CO ₂	0	0,2
-O ₂	0	0
Итого:	100	100

В таблице 2 показаны результаты работы моделей на метансодержащем газе.

Таблица 2. Результаты работы моделей УПВ на метансодержащем газе

Параметр	Ед. изм	Установка	
		Типовая	Модифицированная
1. Массовый расход сырья	кг/ч	6642,8	7045,4
2. Массовый расход водорода	кг/ч	2500,03	2500,02
3. Тепловая нагрузка печи	МВт	29,83	19,09
4. Давление	кгс/см ²	21	
5. Соотношение пар: сырьё		4,5	
6. Конверсия сырья на выходе из печи	%	78,71	54,95
7. Конверсия сырья на выходе из блока	%	78,71	89,97
8. Температура выхода из печи	°С	800	700
9. Температура выхода из блока	°С	800	804,5

Как видно из представленной таблицы, высокое содержание метана в сырье обеспечивает комфортную работу установки как в типовом варианте, так и в модифицированном. За счёт наличия реактора КПО возможно снижение нагрузки на печь паровой конверсии, что позволит сэкономить на её топливе и продлить срок службы катализатора. Типовая модель установки показывает конверсию 79%, что является хорошим показателем, поэтому реакторы предриформинга и КПО могут быть исключены из работы.

В таблице 3 демонстрируются результаты работы моделей на пропансодержащем газе.

Таблица 3. Результаты работы моделей УПВ на пропансодержащем газе

Параметр	Ед. изм	Установка	
		Типовая	Модифицированная
1. Массовый расход сырья	кг/ч	10846,7	8494,4
2. Массовый расход водорода	кг/ч	2500,01	2500,02
3. Тепловая нагрузка печи	МВт	27,69	10,86
4. Давление	кгс/см ²	21	
5. Соотношение пар: сырьё		4,5	
6. Конверсия сырья на выходе из печи	%	60,14	37,39
7. Конверсия сырья на выходе из блока	%	60,14	90,93
8. Температура выхода из печи	°С	800	700
9. Температура выхода из блока	°С	800	892,6

Таблица 3 иллюстрирует негативное влияние высокомолекулярного сырья на показатели работы типовой установки: расход сырья на получение того же количества водорода заметно увеличивается, а конверсия сырья снижается на 19%. Модификация установки позволила сохранить высокую конверсию, при этом передав большую часть нагрузки на реактор КПО, что выразилось в увеличении температуры реакционной смеси.

Таким образом, внедрение в состав УПВ реакторов предриформинга и КПО позволяет создать безопасные условия эксплуатации установки с минимизацией рисков выхода из строя оборудования. Разработанные модели УПВ позволили произвести подобный анализ в ускоренном режиме с получением данных для наглядного сравнения.

Литература:

1. Махлин, В.А. Современные технологии получения синтез-газа из природного и попутного газа / В.А. Махлин, Я. Р Цецерук // Химическая промышленность сегодня. — 2010. — № 3. — С. 6–17.
2. Минлибаев, Л.М. Моделирование установки производства водорода в Aspen HYSYS / Л.М. Минлибаев // Сборник статей международной научно-практической конференции «Цифровизация: новые тренды и опыт внедрения». — Уфа: OMEGA SCIENCE, 2026. — С. 51–58.
3. Строкин, С.В. Обзор перспектив применения мягкого парового риформинга лёгких углеводородов на нефтяных и газоконденсатных месторождениях / С.В. Строкин, С.В. Дронов, О.В. Леонова // Известия СПбГТИ. — 2023. — № 66 (92). — С. 41–51.
4. Петин, С.Н. Разработка способа производства водорода на базе водородсодержащего газа нефтеперерабатывающих установок / С.Н. Петин, М.А. Кислицын, Д.Д. Голдобин // Промышленная энергетика. — 2023. — № 9. — С. 33–43.

МЕДИЦИНА И ФАРМАКОЛОГИЯ

Проблемы оценки сегрегации частиц при разработке таблеток и капсул

Вуйнович Данило Душкович, аспирант;

Тишков Сергей Валерьевич, кандидат фармацевтических наук, ведущий научный сотрудник;

Маркеев Владимир Борисович, кандидат фармацевтических наук, старший научный сотрудник;

Виноградов Владимир Павлович, кандидат фармацевтических наук, научный сотрудник;

Мистюков Владислав Леонидович, аспирант;

Блынская Евгения Викторовна, доктор фармацевтических наук, главный научный сотрудник

Федеральный исследовательский центр оригинальных и перспективных биомедицинских и фармацевтических технологий (г. Москва)

Сегрегация (расслоение) частиц порошковых смесей — один из ключевых рисков, нарушающих однородность дозирования в твёрдых лекарственных формах. Надёжная оценка склонности смеси к расслоению является обязательным условием разработки качественных лекарственных препаратов. В данной работе отражены основные проблемы и ограничения современных методов оценки сегрегации, а также предложены некоторые подходы совершенствования оценки в том числе в рамках подхода качество путём разработки (QbD).

Ключевые слова: сегрегация частиц, твёрдые лекарственные формы, однородность дозирования, порошковые смеси

Сегрегация (расслоение) частиц многокомпонентных порошковых смесей представляет одну из наиболее трудно устранимых технологических проблем при производстве таблеток и капсул. Пространственная неоднородность распределения компонентов смеси напрямую влияет на вариабельность дозирования лекарственного препарата, что нарушает фармакопейные требования

по показателю «однородность дозирования». Особую уязвимость имеют высокоактивные низкодозированные лекарственные препараты. Для контроля сегрегации разработан ряд методов оценки, каждый из которых имеет свои недостатки.

Одним из таких методов является использование стандартизированного тестера (например, ASTM D 6940–04), воспроизводящего сегрегацию через вибрационное просеивание порошка. Однако применяемые в настоящий момент тестеры не воспроизводят все механизмы сегрегации одновременно. В частности, тестер ASTM моделирует исключительно просеивание, а системы на основе псевдооживления — только аэросепарацию. В реальных производственных условиях существующие механизмы действуют параллельно, и их относительный вклад меняется от стадии к стадии [4, 6]. Оценка, проведённая одним методом, неизбежно даёт частичную картину риска сегрегации.

Результаты лабораторного тестирования не всегда воспроизводимо масштабируются на производственный уровень. Корреляция данных, полученных с лабораторных тестеров с данными с промышленного оборудования, нарушается при высокой интенсивности сегрегации ($> 20\%$). На производственной линии создаётся значительно более сложное сочетание механических воздействий — вибрации, аэрации, изменения скоростей потока — чем может создать любой лабораторный прибор [2].

Ограниченность серийных тестеров в воспроизведении всей совокупности механизмов сегрегации обуславливает необходимость разработки более оптимальной стратегии оценки, используя параллельное или последовательное применение нескольких инструментов, охватывающих различные физические воздействия. Разработанный тестер со встроенным БИК-спектрометром, совмещает вибрационное и псевдооживленное воздействие и демонстрирует возможность реализации подхода в качестве единой системы [3]. Его ключевое преимущество состоит не только в одновременном воспроизведении двух механизмов, но и в идентификации доминирующего из них по пространственному профилю концентрации вдоль столба порошка, что невозможно при традиционном дискретном отборе проб. Валидация на производственных данных подтверждает, что полученное ранжирование смесей по интенсивности сегрегации воспроизводит реальную вариабельность содержания действующего вещества в таблетках [3]. Широкое внедрение подобных гибридных систем может стать приоритетным направлением инструментального развития отрасли.

Помимо недостатков тестеров как инструментов для воссоздания реальных технологических процессов, свой вклад вносят и стандартные методики

отбора проб. Данные компьютерного моделирования методом дискретных элементов (DEM) показывают, что выбор режима пробоотбора — сигмоидального, усечённого или равномерного — приводит к качественно разным выводам о степени сегрегации при идентичном реальном расслоении в системе. При этом сигмоидальный режим систематически завышает оцениваемую сегрегацию, тогда как усечённый — занижает её. Подобная вариабельность ставит под сомнение сопоставимость результатов, полученных на разных установках или по разным методикам, внося дополнительную систематическую погрешность в оценку [5].

Устранение обозначенной погрешности требует пересмотра и стандартизации методик отбора проб при оценке сегрегации. Методом DEM установлено, что равномерный пробоотбор по всей длине потока обеспечивает наиболее точное отражение реального расслоения. Примечательно, что размер единичной пробы оказывает на значение стандартных отклонений существенно большее влияние, чем увеличение числа точек отбора, — вывод, имеющий непосредственное практическое значение для составления методик отбора проб [5]. Унификация методик отбора проб на основе этих закономерностей позволила бы повысить сопоставимость результатов как между лабораториями, так и между производственными площадками.

Одной из существенных проблем в подходах к оценке сегрегации в целом является отсутствие универсальной физико-математической модели сегрегации. Указанный подход моделирования DEM обеспечивает высокое механистическое разрешение, но практически неприменим для статистического множества многомиллионных реальных частиц [1]. Большинство аналитических моделей учитывают лишь размер частиц и состав смеси, игнорируя форму, шероховатость поверхности и когезионные силы — переменные, существенно влияющие на сегрегационное поведение [4].

Наиболее перспективным подходом для преодоления описанных ограничений является переход от эмпирической проверки свойств смеси порошков или гранулята к предсказательному моделированию в рамках концепции «качество путём проектирования» (QbD). Систематическое применение многофакторного планирования эксперимента (DoE) позволяет не только ранжировать составы по степени риска, но и устанавливать количественные связи между физическими свойствами порошка и параметрами сегрегации. Так, на основе DoE разработана регрессионная модель, которая обеспечивает предсказание склонности новых смесей к расслоению без проведения полного экспериментального цикла [7]. Таким образом, подход QbD трансформирует оценку сегре-

гации в инструмент проактивного управления рисками при разработке, а не ретроспективного контроля.

Вывод. Оценка склонности порошковых смесей к сегрегации остаётся методологически сложной задачей, не имеющей единого универсального решения. Стандартизированные тестеры обеспечивают воспроизводимость и простоту применения, однако воспроизводят лишь отдельные механизмы расслоения. DEM-моделирование обеспечивает уникальное понимание механизмов, указывая на скрытые погрешности стандартных методик пробоотбора. Нерешённой остаётся проблема отсутствия универсальной математической модели для описания процесса сегрегации.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках темы государственного задания FGFG-2025–0010 «Поиск и разработка новых фармакологических средств лечения эпилепсии, инсультов, рассеянного склероза и мигрени на основе современных представлений о патогенезе».

Литература:

1. Математическое моделирование процесса смешивания порошков в фармацевтическом производстве с помощью метода дискретных элементов / В. Б. Маркеев, Е. В. Блынская, В. П. Виноградов [и др.] // Вопросы обеспечения качества лекарственных средств. — 2024. — № 4 (46). — С. 103–118. — DOI 10.34907/JPQAI.2024.67.66.012.
2. Deng T. Segregation of formulated powders in direct compression process and evaluations by small bench-scale testers / T. Deng, L. Massaro Sousa, V. Garg, M. S. A. Bradley // International Journal of Pharmaceutics. — 2023. — Vol. 647. — P. 123544. — DOI: 10.1016/j.ijpharm.2023.123544.
3. Desai P.M. Underpinning mechanistic understanding of the segregation phenomena of pharmaceutical blends using a near-infrared (NIR) spectrometer embedded segregation tester / P.M. Desai, S. Acharya, C. Armstrong [et al.] // European Journal of Pharmaceutical Sciences. — 2020. — Vol. 154. — P. 105516. — DOI: 10.1016/j.ejps.2020.105516.
4. Desai P.M. Detailed accounts of segregation mechanisms and the evolution of pharmaceutical blend segregation analysis: a review / P.M. Desai, T. Truong, S. Marathe // International Journal of Pharmaceutics. — 2024. — Vol. 665. — P. 124739. — DOI: 10.1016/j.ijpharm.2024.124739.
5. Hancock B. C. Discrete element method (DEM) simulations of stratified sampling during solid dosage form manufacturing / B. C. Hancock,

- W. R. Ketterhagen // International Journal of Pharmaceutics. — 2011. — Vol. 418, № 2. — P. 265–272. — DOI: 10.1016/j.ijpharm. 2011.05.042.
6. Jakubowska E. Blend segregation in tablets manufacturing and its effect on drug content uniformity: a review / E. Jakubowska, N. Ciepluch // Pharmaceutics. — 2021. — Vol. 13, № 11. — P. 1909. — DOI: 10.3390/pharmaceutics13111909.
  7. Xie L. Quality-by-Design (QbD): effects of testing parameters and formulation variables on the segregation tendency of pharmaceutical powder measured by the ASTM D 6940–04 segregation tester / L. Xie, H. Wu, M. Shen [et al.] // Journal of Pharmaceutical Sciences. — 2008. — Vol. 97, № 10. — P. 4485–4497. — DOI: 10.1002/jps. 21320.

ЭКОНОМИКА

Учетно-аналитическое обеспечение ESG-мониторинга в системе госзакупок на основе интегрированных данных

Айболатова Аяжан Айболатовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Мартынович Светлана Николаевна, старший преподаватель

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье представлены теоретико-методологические основы трансформации учетно-аналитических процессов в государственном секторе под воздействием глобальных ESG-факторов. Автор обосновывает необходимость перехода от формального декларирования принципов устойчивого развития к автоматизированному мониторингу в системе государственных закупок. Ключевым элементом предлагаемой модели является конвергенция данных портала государственных закупок с фискальными, экологическими и социальными регистрами. В работе предложен алгоритм верификации ESG-показателей поставщиков, направленный на устранение рисков и оптимизацию эффективности распределения бюджетных средств.

Ключевые слова: ESG-мониторинг, государственные закупки, интеграция данных, цифровая верификация, учетно-аналитическое обеспечение, устойчивое развитие.

К 2026 году мировая экономическая архитектура претерпела фундаментальную трансформацию, перейдя к этапу жесткой подотчетности в области устойчивого развития. Внедрение стандартов IFRS S1 и S2 превратило ESG-показатели (Environmental, Social, Governance) из добровольных инициатив в обязательный элемент корпоративной и государственной отчетности. В этом контексте система государственных закупок, составляющая в среднем от 15% до 20% ВВП в развивающихся экономиках, становится мощнейшим рычагом влияния на бизнес-среду.

Несмотря на высокий приоритет «зеленых» закупок, существующие механизмы мониторинга поставщиков часто носят декларативный характер. Поставщики нередко предоставляют разрозненную информацию, которую сложно проверить в реальном времени. Основным барьером заключается в отсутствии учетно-аналитического моста между внутренней деятельностью компании и государственным порталом закупок. Как следствие, возникает феномен «ESG-имитации», когда победителем тендера становится компания, предлагающая низкую цену за счет экономии на экологических и социальных стандартах.

Назрела необходимость создания системы, где ESG-мониторинг будет базироваться не на субъективных справках, а на интегрированных данных. Это означает, что аналитика должна трансформироваться из первоисточников, которое позволит автоматизировать ESG-мониторинг в госзакупках через интеграцию данных из различных информационных сред, как информационных систем бухгалтерского учета, налоговых баз данных, реестров государственных органов.

В системе государственного заказа это трансформируется в концепцию «устойчивой стоимости» (Sustainable Value), где аналитическая модель выбора победителя трансформируется из линейной функции цены в многофакторный индекс. С точки зрения аналитики, это означает переход от формулы:

$$P(\min) = \min(\text{Price}).$$

К многофакторной модели выбора победителя:

$$V(\text{total}) = \text{Price} + R(\text{ESG}),$$

где $R(\text{ESG})$ — это количественно измеренная оценка устойчивости компании, подтвержденная интегрированными данными.

Интегрированная отчетность позволяет государственному заказчику оценивать не только продукт, но и устойчивость поставщика в долгосрочной перспективе.

Ключевым барьером на пути к эффективному ESG-мониторингу в 2026 году является информационная асимметрия. Поставщик знает о своих реальных процессах всё, а государство — только то, что отражено в поданной заявке.

Интеграция данных позволяет сформировать «Динамический ESG-паспорт» поставщика. Это не бумажный документ, а цифровая запись в системе госзакупок, которая обновляется ежедневно.

Таблица 1. Сравнительный анализ источников данных при интеграции

Компонент ESG	Источник: (Внутренний)	Источник: (Внешний)	Метод верификации
Environmental	Расходы на очистные сооружения	Разрешения на эмиссии в ОС	Перекрестный аудит затрат и лимитов
Social	Затраты на ДМС и обучение	Статистическая отчетность по труду	Проверка реальности выплат через пенсионные фонды
Governance	Аудиторское заключение	Реестр недобросовестных участников	Проверка цепочки бенефициаров (Final Ownership)

Внедрение предлагаемой системы учетно-аналитического обеспечения детерминирует следующие эффекты:

1. Институциональная прозрачность: Исключение человеческого фактора на этапе преквалификации минимизирует коррупционные риски.
2. Оптимизация совокупной стоимости владения: Анализ данных об энергоэффективности из систем ИС позволяет государству обосновывать выбор долговечных активов, снижая нагрузку на бюджет в долгосрочном периоде.
3. Стимулирование рыночной трансформации: ESG-баллы конвертируются в реальное конкурентное преимущество, создавая рыночные стимулы для декарбонизации бизнеса.

Несмотря на синергетический эффект, процесс интеграции сталкивается с рядом вызовов, требующих нивелирования:

- Информационный риск: Прямой доступ к ERP вызывает опасения за коммерческую тайну. Решение: Использование API-протоколов для передачи исключительно агрегированных аналитических маркеров.
- Технологический риск: Различия в версиях программ для комплексного управления всеми ресурсами предприятия. Решение: Внедрение единого государственного протокола обмена.
- Экономический риск: Высокая стоимость цифровой трансформации для малых компаний. Решение: Государственное субсидирование внедрения типовых ESG-надстроек.

Учетно-аналитическое обеспечение ESG-мониторинга в 2026 году является фундаментом цифрового государственного управления. Конвергенция данных из внутренних систем учета и внешних реестров позволяет трансформировать мониторинг из формального процесса в высокотехнологичный инструмент стратегического развития. Будущее государственных финансов лежит в пло-

скости Data-driven ESG, где каждое решение подтверждается верифицируемой записью в интегрированной системе.

Литература:

1. Ivanov, V., & Smith, J. The Role of ERP Systems in Driving Corporate Sustainability // Journal of Applied Accounting Research, 2026.
2. World Bank. Green Public Procurement: An Analytical Framework for Developing Economies. — Washington, DC: World Bank Group, 2025.
3. Sultan, A., Oladele, S., & Ahsun, A. The Integration of Enterprise Resource Planning (ERP) Systems with Advanced Analytics for Streamlined Financial Reporting // ResearchGate, 2025.
4. Kassar, C., & Jizi, M. Integrating AI into Accounting: Resolving Information Asymmetry and Promoting Transparency // Journal of Financial Reporting and Accounting, 2025.
5. IFRS S1 General Requirements for Disclosure of Sustainability-related Financial Information. — IFRS Foundation, 2023.
6. World Bank. Green Is Less Greedy: The Impact of Green Public Procurement on Competition and Corruption. — Washington, DC: World Bank, 2024.

Цифровой рубль как инструмент перераспределения финансовой власти: институциональный анализ трансформации банковской системы Российской Федерации

Прищепа Глеб Данилович, студент

Американский университет в Центральной Азии (г. Бишкек, Кыргызстан)

В статье цифровой рубль анализируется как институциональный механизм перераспределения финансовой власти в банковской системе Российской Федерации. Исследуется изменение баланса влияния между Центральным банком и коммерческими банками в условиях внедрения цифровой валюты центрального банка (CBDC). Показано, что российская двухуровневая архитектура усиливает инфраструктурную и нормативную роль Центрального банка, не приводя к институциональной дезинтермедиации кредитного посредничества. Сопоставление с международными моделями CBDC уточняет характер трансформации и её последствия для граждан, банков и регулятора.

Ключевые слова: цифровой рубль, CBDC, финансовая власть, институциональная конкуренция, Центральный банк, банковская система, публичные и частные деньги.

Введение

Цифровые валюты центральных банков (Central Bank Digital Currency, CBDC) стали одним из ключевых направлений трансформации современной денежной политики [4]. Центральные банки рассматривают их как инструмент модернизации платёжной инфраструктуры, повышения технологической устойчивости и укрепления денежного суверенитета [4].

CBDC представляет собой цифровую форму национальной валюты, являющуюся прямым обязательством центрального банка и предназначенную для использования в качестве законного платёжного средства [4]. В отличие от безналичных средств коммерческих банков, CBDC не является банковским депозитом и не несёт кредитного риска отдельного банка. Принципы Банка международных расчётов подчёркивают, что цифровая валюта должна дополнять существующую систему, оставаясь совместимой с её институциональной архитектурой [4].

Следовательно, внедрение цифровой формы публичных денег затрагивает не только сферу платежей, но и распределение функций, влияния и ответственности между участниками финансовой системы.

В Российской Федерации цифровой рубль рассматривается как третья форма национальной валюты наряду с наличными и безналичными средствами [2]. Его внедрение требует анализа через призму институциональной экономики, поскольку речь идёт о возможной трансформации структуры финансовой власти.

Цель исследования — определить, приводит ли внедрение цифрового рубля к перераспределению финансовой власти между Центральным банком и коммерческими банками.

Рабочая гипотеза состоит в том, что цифровой рубль усиливает инфраструктурную и нормативную роль Центрального банка, однако не устраняет коммерческие банки как ключевых кредитных посредников.

Теоретическая рамка: финансовая власть и структура денежного обращения

В рамках настоящего исследования финансовая власть трактуется как способность института определять архитектуру денежного обращения, контролировать платёжную инфраструктуру и влиять на условия создания кредита.

Современная банковская система основана на сосуществовании публичных денег (обязательств центрального банка) и частных денег (депозитов коммерческих банков) [5]. Коммерческие банки создают депозитные деньги в процессе кредитования, тем самым участвуя в формировании денежного предложения. Центральный банк определяет параметры базовой денежной массы и нормативные условия функционирования системы.

Исследования Brunnermeier и Nierelt показывают, что перераспределение между публичными и частными формами денег не обязательно ведёт к сокращению банковского кредитования при сохранении двухуровневой институциональной структуры [5]. Эффект зависит от архитектуры и ограничений, встроенных в систему. Следовательно, анализ цифрового рубля требует оценки институционального дизайна, а не только технологических характеристик.

Институциональный дизайн цифрового рубля в Российской Федерации

Согласно Концепции цифрового рубля Банка России, проект реализуется по двухуровневой модели [2]. Центральный банк выступает эмитентом цифрового рубля и оператором платформы, а коммерческие банки обеспечивают доступ клиентов к цифровым кошелькам, проводят идентификацию и осуществляют клиентское сопровождение.

Платформа цифрового рубля функционирует в инфраструктуре, контролируемой Банком России [3]. Это усиливает роль Центрального банка как оператора платёжной системы и института, формирующего правила обращения цифровой формы денег.

При этом коммерческие банки сохраняют кредитную функцию и остаются посредниками между сбережениями и инвестициями. Таким образом, российская модель предполагает перераспределение инфраструктурного контроля в пользу Центрального банка при сохранении банковской модели кредитного посредничества.

Международный контекст и институциональное сопоставление

Принципы BIS подчёркивают необходимость совместимости CBDC с существующей финансовой системой [4]. Европейский центральный банк в проекте цифрового евро также закрепляет двухуровневую архитектуру, предполагающую сохранение роли банков как посредников доступа [6].

Таблица 1. Сравнение институциональных моделей CBDC

Юрисдикция	Архитектура	Институциональный эффект
Россия	Двухуровневая модель (ЦБ — платформа, банки — доступ)	Усиление инфраструктурной роли ЦБ при сохранении банков [2; 3]
Китай	Two-tier architecture	Централизация платформы у ЦБ при сохранении операционной роли банков [4]
Еврозона	Двухуровневая модель	Сохранение банков как посредников доступа [6]

Международная практика демонстрирует тенденцию к усилению роли центральных банков как инфраструктурных операторов при одновременном сохранении банковского посредничества. Российская модель соответствует данной логике.

Перераспределение функций, влияния и ответственности

Для населения цифровой рубль означает появление альтернативной формы хранения средств, являющейся прямым обязательством Центрального банка [2]. Это снижает кредитный риск хранения средств по сравнению с депозитами конкретного банка. Вместе с тем повседневное взаимодействие с системой осуществляется через коммерческие банки как операторов доступа, что сохраняет привычную структуру финансовых отношений.

Для коммерческих банков внедрение цифрового рубля означает изменение роли в платёжной инфраструктуре. Они сохраняют кредитное посредничество и клиентские отношения, однако часть инфраструктурного контроля над расчётными потоками переходит к Центральному банку [3]. Это усиливает конкуренцию за депозитную базу и стимулирует развитие сервисов с добавленной стоимостью.

Для Центрального банка цифровой рубль означает расширение финансовой власти, но одновременно — расширение ответственности. Банк России становится оператором технологической платформы национального масштаба, что повышает требования к кибербезопасности, отказоустойчивости и управлению операционными рисками [3]. Расширение контроля над платёжной инфраструктурой сопровождается ростом системной ответственности.

Согласно анализу IMF, риск масштабной дезинтермедиации зависит от институционального дизайна CBDC [1]. При двухуровневой модели и наличии ограничений вероятность резкого перераспределения депозитной базы существенно снижается [1; 2]. Российская архитектура ориентирована на сохранение

ние баланса между публичной цифровой формой денег и банковским посредничеством.

Заключение

Цифровой рубль представляет собой институциональное нововведение, трансформирующее распределение финансовой власти в банковской системе Российской Федерации.

Он усиливает инфраструктурную и нормативную роль Центрального банка как оператора платформы и эмитента цифровых обязательств. Вместе с тем двухуровневая модель сохраняет коммерческие банки в качестве ключевых кредитных посредников.

Следовательно, цифровой рубль не ведёт к институциональной дезинтермедиации банковской системы, а изменяет баланс функций, влияния и ответственности внутри финансовой архитектуры. Усиление роли Центрального банка сопровождается ростом требований к технологической устойчивости и управлению системными рисками.

Перспективы дальнейших исследований связаны с оценкой долгосрочного влияния цифрового рубля на депозитную базу банков, структуру ликвидности, а также на поведение домохозяйств в выборе форм хранения средств.

Литература:

1. Bouis R., Gelos G., Nakamura F., Miettinen P.A., Nier E., Soderberg G. Central Bank Digital Currencies and Financial Stability: Balance Sheet Analysis and Policy Choices. IMF Working Paper WP/24/226. Washington, DC: IMF, 2024.
2. Банк России. Концепция цифрового рубля. М.: Банк России, 2021.
3. Банк России. Документы и материалы по цифровому рублю.
4. Bank for International Settlements. Central bank digital currencies: foundational principles and core features. Basel: BIS, 2020.
5. Brunnermeier M., Niepelt D. On the Equivalence of Private and Public Money. Journal of Monetary Economics. 2019. Vol. 106. P. 27–41.
6. European Central Bank. Progress on the investigation phase of a digital euro. Frankfurt: ECB, 2023.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Разграничение цифровой валюты и криптовалюты в российском праве: правовая природа и пределы регулирования

Аитов Алмаз Булатович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье исследуются вопросы разграничения цифровой валюты и криптовалюты в российском праве с учетом действующего законодательства и правоприменительной практики. Анализируются правовая природа указанных явлений, особенности их регулирования и подходы к определению их места в системе объектов гражданских прав. Рассматриваются положения Федерального закона о цифровых финансовых активах, позиции Банка России и научные подходы к классификации цифровых активов. Особое внимание уделяется критериям разграничения цифровых валют центральных банков и децентрализованных криптоактивов, а также проблемам правовой определенности и пределам государственного регулирования. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития понятийного аппарата и совершенствования правового режима цифровых активов в условиях цифровизации экономики.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, цифровые активы, правовое регулирование, цифровой рубль, Банк России, гражданское право, финансовое право, цифровизация экономики.

Distinction between digital currency and cryptocurrency in Russian law: legal nature and limits of regulation

Aitov Almaz Bulatovich, master student
Kazan (Volga Region) Federal University

The article examines the distinction between digital currency and cryptocurrency in Russian law, taking into account current legislation and law enforcement practice.

It analyzes the legal nature of these phenomena, the specifics of their regulation, and approaches to determining their place within the system of civil law objects. The provisions of the law on digital financial assets, the position of the Bank of Russia, and academic approaches to the classification of digital assets are considered. Particular attention is paid to the criteria for distinguishing central bank digital currencies from decentralized crypto assets, as well as to issues of legal certainty and the limits of state regulation. The study concludes that further development of conceptual frameworks and improvement of the legal regime for digital assets are necessary in the context of economic digitalization.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, digital assets, legal regulation, digital ruble, Bank of Russia, civil law, financial law, economic digitalization.

Рост оборота криптоактивов в последние годы стал одним из наиболее заметных проявлений цифровизации экономики и финансовой системы. Расширение практики использования цифровых инструментов, основанных на технологиях распределённых реестров, привело к формированию нового сегмента имущественного оборота, характеризующегося высокой динамичностью, трансграничностью и отсутствием традиционных посредников. По данным Банка России, совокупный объём операций с криптоактивами, потенциально связанных с российскими пользователями, в отдельные периоды достигал триллионов рублей, демонстрируя устойчивый рост и высокий уровень вовлечённости частных инвесторов в операции с цифровыми активами [2].

Первая криптовалюта Bitcoin появилась в 2009 году, и на протяжении последующего десятилетия российские суды неоднозначно подходили к вопросу о её правовом статусе. В большинстве случаев права на криптовалюту оставались фактически незащищёнными ввиду отсутствия чётких правовых механизмов их признания и защиты. Показательным стал спор, рассмотренный в рамках дела о банкротстве, в котором Девятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 15 мая 2018 года № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 обязал должника предоставить финансовому управляющему доступ к криптовалютному кошельку. Данное судебное решение стало одним из первых прецедентов фактического признания криптовалюты в качестве имущества, подлежащего включению в конкурсную массу, и продемонстрировало готовность судебной практики адаптировать традиционные правовые конструкции к новым цифровым объектам [8].

На международном уровне Россия рассматривается как один из крупных рынков криптовалют по объёму транзакций, что отражает высокий уро-

вень вовлечённости в криптоэкономику. Одновременно государства, включая Российскую Федерацию, реализуют проекты цифровых валют центральных банков, направленные на модернизацию платежной инфраструктуры, повышение прозрачности расчётов и снижение транзакционных издержек. По данным международных финансовых организаций, внедрение цифровых валют центральных банков рассматривается как инструмент повышения эффективности денежно-кредитной политики и укрепления финансового суверенитета в условиях цифровизации экономики.

Одновременно развитие частных криптовалют и государственных цифровых валют происходит параллельно, что усиливает необходимость концептуального разграничения частных криптовалют и публичных цифровых форм денег, поскольку различия в их правовой природе, механизмах эмиссии и уровне государственного контроля предопределяют особенности регулирования и пределы допустимого оборота, а также влияют на вопросы финансовой стабильности, защиты инвесторов и трансграничного движения капитала.

Развитие цифровых технологий приводит к возникновению новой сферы общественных отношений, требующей адаптации существующих правовых институтов. В научной литературе отмечается, что формирование цифровой среды сопровождается появлением новых объектов гражданских прав и усложнением механизмов их оборота, при этом действующее регулирование не всегда обеспечивает достаточную определённую правового режима цифровых активов [7]. Судебная практика демонстрирует наличие трудностей при разрешении споров, связанных с доступом к криптокошелькам, исполнением обязательств в рамках цифровых проектов и квалификацией операций с криптовалютами, что подтверждает необходимость дальнейшего развития правового регулирования.

В этих условиях особое значение приобретает вопрос о разграничении понятий «цифровая валюта» и «криптовалюта», поскольку именно через данное разграничение определяется правовой режим соответствующих явлений, допустимость их использования в расчётах, особенности налогообложения и степень государственного контроля.

Российская модель регулирования цифровых активов сформировалась в рамках Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закон закрепил легальное определение цифровой валюты как совокупности электронных данных, которые могут предлагаться или приниматься в качестве средства платежа,

не являющегося денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства или международной расчётной единицы, и (или) в качестве инвестиций, при отсутствии лица, обязанного перед каждым обладателем таких данных [1]. Уже в данной формулировке отражается базовый подход законодателя, направленный на включение цифровых активов в правовое поле без признания их деньгами.

Закрепление признака отсутствия обязанного лица имеет принципиальное значение, поскольку позволяет отграничить цифровую валюту от обязательственных конструкций, включая электронные денежные средства, для которых характерно наличие эмитента, несущего обязанность по погашению номинала. Тем самым законодатель фиксирует самостоятельную правовую природу цифровой валюты как объекта имущественных отношений, стоимость которого определяется рыночными механизмами и доверием участников оборота.

Одновременно законодатель прямо указывает на ограничения использования цифровой валюты в качестве встречного предоставления за товары, работы и услуги, что свидетельствует о стремлении исключить её из системы законных платёжных средств и сохранить монополию государства на денежную эмиссию [1]. Такая конструкция отражает традиционные принципы денежного права, согласно которым выпуск и обращение денег находятся в сфере публично-правового регулирования.

При этом российское законодательство не содержит самостоятельного определения криптовалюты, что обуславливает необходимость обращения к позиции регулятора и доктрине. В докладе Банка России «Криптовалюты: тренды, риски, меры» криптовалюты рассматриваются как частные цифровые активы, не обеспеченные государством и не обладающие статусом законного платёжного средства [2]. Регулятор отмечает, что их распространение связано с рисками для инвесторов, включая высокую волатильность, вероятность утраты средств вследствие мошенничества или технических сбоев, а также использование в противоправной деятельности [2].

Особое внимание уделяется возможному влиянию криптовалют на финансовую стабильность, поскольку развитие альтернативных форм хранения стоимости и расчётов способно трансформировать структуру финансового посредничества и снижать эффективность инструментов денежно-кредитной политики [2]. Данные обстоятельства во многом объясняют осторожный характер российского регулирования, ориентированного на ограничение использования криптовалют в платёжных отношениях при сохранении возможности их владения как имущественных объектов.

В научной литературе подчёркивается гибридная природа криптоактивов, способных совмещать функции средства обмена, инвестиционного инструмента и технологической инфраструктуры [3]. Кочергин указывает, что экономическая природа криптоактивов не сводится к одной функции, а регулирование должно учитывать многофункциональность и разнообразие моделей использования [3]. Лосева отмечает, что классификация цифровых активов зависит от целей анализа, поскольку показатели ликвидности, волатильности и инвестиционной привлекательности существенно различаются между отдельными видами цифровых инструментов [5].

Дополнительный аспект связан с развитием института цифровых прав в гражданском законодательстве. Как отмечается в научных исследованиях, включение цифровых прав в систему объектов гражданских прав стало важным шагом к формированию правовой основы цифровой экономики, однако существующее регулирование не устраняет всех пробелов, включая отсутствие чётких правил оборота и недостаточную определённость механизмов защиты прав участников цифровых отношений [7]. Практика показывает, что суды сталкиваются с трудностями при квалификации операций с криптовалютой и иных цифровых активов, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правового режима.

Разграничение цифровой валюты и криптовалюты целесообразно проводить по нескольким критериям. Прежде всего цифровая валюта выступает юридической категорией, закреплённой в законодательстве, тогда как криптовалюта является экономико-технологическим явлением, характеризующимся децентрализованной моделью функционирования и отсутствием единого эмитента. Криптовалюты создаются и обращаются в рамках распределённых сетей, а их стоимость определяется исключительно рыночными механизмами.

В отличие от этого цифровые валюты центральных банков, включая цифровой рубль, создаются в рамках публично-правовых полномочий государства и обладают иным правовым режимом. Габов отмечает, что цифровой рубль представляет собой объект гражданских прав с выраженной публично-правовой спецификой, что подчёркивает принципиальное различие между централизованными и децентрализованными цифровыми инструментами [4]. Следовательно, цифровая форма сама по себе не определяет правовую природу актива — решающее значение имеет порядок эмиссии и режим обращения.

Таким образом, цифровая валюта может рассматриваться как более широкая правовая категория, тогда как криптовалюта представляет собой частный

случай цифровых активов, обладающий специфическими технологическими характеристиками. Такое разграничение имеет практическое значение для определения правового режима операций, включая вопросы налогообложения, бухгалтерского учёта и защиты прав участников оборота.

В целом российская модель регулирования демонстрирует стремление обеспечить баланс между развитием инноваций и защитой финансовой системы. Признание цифровой валюты объектом имущественных отношений позволяет учитывать экономическую реальность криптоактивов, сохраняя при этом контроль над денежным обращением и минимизируя системные риски. Перспективы дальнейшего развития связаны с уточнением критериев разграничения цифровых инструментов, развитием риск-ориентированного подхода и формированием более детализированных правил оборота криптовалют с учётом их экономической функции и технологических особенностей.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
2. Центральный банк Российской Федерации. Криптовалюты: тренды, риски, меры: доклад для общественных консультаций. — М., 2022.
3. Кочергин Д. А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2022. — Т. 17. — № 3. — С. 75–130.
4. Габов А. В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 55–65.
5. Лосева О. В. Виды и классификация цифровых активов для целей стоимостной оценки // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2022. — № 2. — С. 45–57.
6. Крупочкин А. В., Хоминич И. П. Криптовалюты и цифровые активы в современной правовой и финансовой системе России: проблемы терминологии и классификации // Мир новой экономики. — 2025. — Т. 19. — № 2. — С. 22–32.
7. Ветчинников Д. В. Особенности осуществления цифровых прав в Российской Федерации // Хозяйство и право. — 2022. — № 6.

8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Философия права в трудах Ивана Александровича Ильина

Зубаиров Александр Римович, студент магистратуры

Уральский филиал Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации (г. Челябинск)

В статье автор исследует работы русского мыслителя и философа И.А. Ильина в определении им понятия природы возникновения общности и различий морали и права, общежития, борьбы человека за существование.

***Ключевые слова:** философия права, мораль, право, нормы, необходимость общежития, позитивное право, естественное право.*

В самом своем смысле существования и развития философское мышление человека подразумевает наличие различных взглядов или, иными словами, мировозренческих позиций, отвечающих на извечный вопрос общества «человек и мир».

При этом, одним из аспектов философского изучения, конечно, является и будет являться в дальнейшем вопрос «соотношения морали и права» или «философия права». В связи с чем появляются такие категории мышления, как:

Позитивное право — это действующая на данный момент и в данном месте, система законодательных актов, нормативных актов, правовых норм и судебных решений, непосредственно формально устанавливающих и регулирующих существующие общественные отношения.

Естественное право — это категория, призванная определить и выразить «поведенческий идеал» не имеющий формального закрепления, но прямо выраженный в общественном поведении, основанном на его правосознании.

При этом основной задачей или отличием естественного права является его предназначение в определении основополагающих принципов, на основании которых принимаются действующие формальные нормы позитивного права.

Краткому исследованию автора будут подлежать труды несомненно выдающегося мыслителя и философа, деятеля русской науки И.А. Ильина.

Иван Александрович Ильин (1883–1954) в своих работах отмечал основную особенность позитивного права в ограничении свободы каждого человека формально определенными правилами поведения, но взамен предоставляющее каждому человеку поддерживаемую государством возможность пользоваться своими субъективными правами, гарантируя определенную свободу внутри установленных и охраняемых государством пределов поведения.

При этом он несомненно признавал и подчеркивал тот факт, что данная свобода поведения существует только до той границы, за которой начинается свобода других членов человеческого общества. Таким образом, позитивное право устанавливает и охраняет порядок, который основан на свободе человека.

Существующее в обществе представление о позитивном праве подтверждает, что каждая изучаемая наука имеет дело с законами. При этом, необходимо разграничивать законы бытия человека и законы его долженствования.

Под законами бытия подразумевается уже известный порядок вещей. Этот порядок существует вне зависимости от представлений о том: насколько плох он или хорош, полезен ли он человеку или вреден, прост он по своей природе или наоборот сложен — он имеется по факту. Такими законами являются не только точные законы физики, математики и др., но и непосредственно сами законы окружающей нас природы.

В свою очередь, законы должствования устанавливают такие общественные связи и отношения, которые призваны осуществляться непосредственно поведением самих людей в их настоящей жизни и деятельности. Данные установленные законом правила устанавливают не тот факт, что существует на самом деле, но тот факт, как людям необходимо жить, действовать или бездействовать, поступать в той или иной ситуации.

Таким образом, под нормой позитивного права можно подразумевать суждение, устанавливающее известный порядок как должный, или еще проще: это есть формально, то есть выраженное в словах правило лучшего поведения.

Кроме того, И. А. Ильин рассматривает существование такой категории, как «необходимость общежития», так как общежитие по его мнению жизненно необходимо каждому человеку, так как, только оно может предоставить и действительно предоставляет дает ему духовную полноту жизни.

Сама возможность взаимного существования предоставляется человеку не безвозмездно и не без усилий, но все эти трудности безусловно имеют просто огромное положительное значение для самого человека. Сложно пред-

ставить себе, до какой низкой степени опустился бы человек, если бы все, необходимые блага для его жизни, предоставлялись бы ему без всяких усилий. При этом само чувство уверенности в том, что все необходимые потребности могут быть удовлетворены без всякого труда, безусловно вызвало бы в человеке беспечность и пассивность и сделало бы его слабым в душевной инерции. Таким образом, заложенная самой природой необходимость бороться, сопротивляться чтобы выжить, — является, пожалуй, самым главным мотивом существования всей человеческой цивилизации.

Необходимость общежития приводит нас к необходимости правил поведения в нем, которые зиждутся на принципах доверия к авторитету власти и веры человека в справедливость.

Однако не следует полагать, что таким авторитетом для человека может быть только воля другого человека или что всякое требование справедливо. Поэтому, каждому правилу поведения всегда присуще его отношение к необходимому закону для справедливого решения имеющихся конфликтов.

Только наличие и признание таких, формально установленных правил общего поведения, допускает мирное общежитие человека в обществе.

При этом, следует отметить, что сами правовые нормы вообще устанавливаются и формулируются совершенно другими людьми, то есть, не каждым человеком лично только для самого себя, но вносятся внешним контуром окружения, бездушным государством, предписывающим, запрещающим или позволяющим нам различное поведение и поступки, вне независимости от нашего мнения, согласия или не согласия.

Позитивное право по своему принципу основывается на том, что в обществе есть только одна общая для всех власть и только некоторые избранные представители этого общества уполномочены создавать, формулировать в словах и устанавливать обязательные для всех правила поведения, а также контролировать их неукоснительное исполнение.

Но если позитивное право требует от каждого человека строго предписанного поведения, вне зависимости от его согласия, то понятно, что данное поведение не будет все же соблюдаться без присутствия естественного права, требующего внутреннего согласия от каждого человека.

Данное, казалось бы на первый взгляд, несоотношение позволяет прийти к выводу, что: позитивное право может предписывать человеку только внешнее поведение, но при этом неспособно требовать от людей, чтобы они перживали, согласно чужой воле, свои внутренние душевные состояния, формулирующие собственные мысли, желания и т. д.

Исходя из изложенного, можно сделать некоторые выводы об объективно имеющихся отличиях норм позитивного права от норм естественного права. В первую очередь они различны по тому источнику авторитета, который устанавливает правило поведения. Если в естественном праве — это внутренний авторитет или собственная совесть, то в позитивном праве — это внешний бездушный государственный авторитет: невидимые и незнакомые люди, избрано определенного круга и наделенные властными и иными государственными полномочиями.

От взаимной согласованности приведенных категорий и зависит само существование и благополучие общества.

Главным принципом естественного права считается общественный запрос «на справедливость». Совпадение норм позитивного права с данным запросом, соответствующим проявлению самого «естества» человека, как природного существа, наделенного духом и нравственностью, и будет служить общим ориентиром поведения каждого члена общества.

Именно в этом случае человек обретает возможность повиноваться формальному праву не только за страх перед наказанием, но и за совесть.

Тогда и выясняется, что личность имеет не только правовую, но и моральную обязанность повиноваться позитивному праву, если право предписывает во внешнем поведении, ровно то же самое, что и личная совесть, то есть лично одобряет как необходимое, нравственное и справедливое.

Результатом проведенного краткого исследования поставленного вопроса возможен вывод:

Принцип взаимодействия позитивного и естественного права заключается в том, что обе категории обеспечивают действенное средство воспитания людей к их существованию и взаимодействию в общественной жизни. Приведенные нормы способны научить каждого человека считаться с фактом существования других людей и с их личными интересами.

Каждый из нас должен приучить себя к мысли о добровольном ограничении собственных эгоистичных притязаний, принимая, что другие индивиды также имеют неотъемлемое право на жизнеобеспечение своих собственных свобод и интересов.

Воспитание общества в этом направлении позволит приучить его к мысли о том, что каждый человек — кто бы он ни был и какими бы физическими и духовными свойствами он ни обладал, имеет одинаковое право на: достойную жизнь, свой выбор занятий, отстаивание своего представления о справедливости и морали, а также развитие себя как личности [1].

Литература:

1. Общее учение о праве и государстве. — Текст: электронный // directmedia.ru: [сайт]. — URL: <https://www.directmedia.ru/book-60933-obschee-uchenie-o-prave-i-gosudarstve/> (дата обращения: 03.03.2026).

Наследственное право Российской Федерации: развитие и перспективы

Михайлинский Глеб Олегович, аспирант
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье рассматривается динамика развития современного российского законодательства в сфере наследования, а также его отражение в доктринальных исследованиях. Выделены основные этапы реформирования наследственного права и обозначены перспективные направления его дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: гражданское право, наследственное право, наследование, цифровизация.

Динамика общественных отношений, стремительная цифровизация гражданского оборота и усложнение структуры частной собственности предъявляют новые требования к стабильному, но консервативному институту наследственного права. Российское законодательство в этой сфере, базирующееся на нормах части третьей ГК РФ 2001 года, прошло более чем двадцатилетний путь развития, в течение которого неоднократно модернизировалось под влиянием как доктринальных изысканий, так и правоприменительной практики. В представленной статье предпринимается попытка комплексного осмысления данного пути, анализа современных законодательных новаций и определения перспективных векторов совершенствования правового регулирования, включая рецепцию зарубежных институтов и адаптацию к вызовам технологической реальности.

В период с 1991 по 2002 гг., т. е. до вступления в силу раздела V части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), наследственные правоотношения регулировались нормами раздела VI Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, принятых Верховным

Советом СССР 31 мая 1991 г. По сравнению с ранее действовавшим законодательством были внесены изменения, связанные с определением состава наследства и возможности перехода прав на отдельные виды имущества, ранее недопустимые в сфере права собственности физических лиц (ценные бумаги, земельные участки, участие в юридических лицах и др.) [1]. 14 мая 2001 года был принят Федеральный закон № 51 — ФЗ «О внесении изменений в статью 532 ГК РСФСР», который вступил в силу с 17 мая 2001 года и действовал до 1 марта 2002. Данным актом число очередей наследников по закону было увеличено с двух до четырёх [2].

Качественно новый этап в развитии отечественного наследственного права связан с введением в действие с 1 марта 2002 года раздела V части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации. Инкорпорирование в законодательный массив специального раздела «Наследственное право» ознаменовало переход от советской парадигмы регулирования к современной, комплексной модели, основанной на принципах защиты частной собственности и автономии воли наследодателя. Несмотря на эволюционную преемственность с нормами ГК РСФСР 1964 года, реформа носила концептуальный характер, затронув фундаментальные основы наследственного преемства. Анализ положений раздела V ГК РФ позволяет выделить несколько системообразующих направлений реформы:

А) Примат свободы завещания. Законодатель последовательно имплементировал принцип свободы завещания, который стал краеугольным камнем современного регулирования. Волеизъявление наследодателя признано приоритетным по отношению к наследованию по закону.

Б) Детализированная система наследования по закону. В отличие от советской двухочередной системы, была введена развернутая восьмиочередная модель, основанная на степени родства, что минимизировало случаи перехода имущества как выморочного.

В) Формализация защиты социально уязвимых категорий наследников. Четко регламентированы процедуры призвания к наследованию нетрудоспособных иждивенцев, а также механизм реализации права на обязательную долю, что усилило социально-обеспечительную функцию наследования.

Г) Специализация правовых режимов. Детально урегулирован переход таких сложных объектов, как корпоративные права, недвижимость, предприятия и государственные награды [3].

За время действия части третьей ГК РФ законодатель продолжил курс на совершенствование наследственно-правового регулирования, о чем свидетель-

ствуует ряд точечных, но значимых изменений. Анализ законодательных новаций позволяет выявить устойчивые тенденции:

— **Социальная ориентированность:** Увеличение размера средств на похороны до 100 тысяч рублей [4] и уточнение круга наследников граждан, умерших в один день [5].

— **Расширение инструментария распоряжения:** Введение наследственных фондов [6] и наследственного договора [7], что предоставило гражданам принципиально новые механизмы для реализации посмертных распоряжений.

— **Технологизация и открытость:** Изменения, касающиеся соотношения тайны завещания и работы Единой информационной системы нотариата [8].

В современной российской цивилистике сформировался корпус научных трудов, посвященных проблемам наследственного права. Значительный вклад в разработку данной проблематики вносит монографическое исследование О. Ю. Шиловцова «Наследование по закону в российском гражданском праве» (2006 г.), где проводится комплексный анализ актуальных вопросов наследственного права, включая специфику правового положения недостойных наследников, а также условия и порядок вступления в наследство лиц, наследующих по праву представления, усыновленных и нетрудоспособных иждивенцев наследодателя. Ключевой идеей, аргументируемой автором, является положение о необходимости «концептуального моделирования системы отношений в сфере наследования по закону и выявления юридических детерминант, определяющих круг обязательных наследников» [9, с. 10].

В области компаративистских изысканий в сфере права значительный научный интерес представляет монография Ю. Б. Гонгало «Юридические факты в наследственном праве России и Франции» (2010). В данном исследовании осуществляется системный анализ корреляции правовых институтов наследственного права двух стран, а также детально рассматриваются юридические факты, детерминирующие возникновение, модификацию и прекращение наследственных правоотношений (или наследственной правовой ситуации), а также выдвигаются конкретные предложения по совершенствованию законодательства. Как обоснованно отмечает автор, «универсальность права в качестве социального регулятора предопределяет наличие сходных юридических явлений в российской и французской правовых системах» [10, с. 4]. Эти явления, составляя предмет доктринального осмысления, получают терминологическое оформление, которое, при всей своей вариативности, не нивелирует единства их сущностных характеристик.

Развитие данной научной проблематики находит отражение в коллективной монографии «Основы наследственного права России, Германии, Франции» (2015), подготовленной Ю. Б. Гонгалом, К. А. Михалевым, Е. Ю. Петровым и Е. А. Путинцевой. Проведенный авторами сравнительно-правовой анализ наследственно-правовых моделей указанных государств позволил сформулировать вывод о необходимости устранения существенных лагун в современном российском законодательстве. В качестве перспективного направления его совершенствования предлагается рецепция ряда зарубежных правовых институтов, не известных отечественной наследственно-правовой доктрине [11, с. 256].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о перспективных направлениях дальнейшего развития российского наследственного права. К числу таких направлений относится дальнейшая цифровизация наследственных отношений. Это предполагает не только совершенствование реестровых механизмов (Единый реестр завещаний и наследственных дел), но и решение вопроса об использовании технологий распределенного реестра (блокчейн) для фиксации и неизменного хранения волеизъявлений. Ещё более насущным вопросом представляет наследование так называемого цифрового имущества или цифровых активов, то есть объектов гражданских прав, существующих исключительно в электронной среде. Детальная проработка правового режима таких объектов является одной из приоритетных задач, которые обозначают сторонники принятия Цифрового кодекса, пока ещё находящегося в стадии разработки.

Исключительно важен также институт наследственного планирования и по-смертного управления активами. Перспективным видится расширение инструментария имущественного обеспечения наследодателя при жизни, включая развитие наследственных фондов с более гибкими условиями функционирования. Требуется детализация правовой статус бенефициаров таких фондов, а также регламентация сочетания фонда с иными завещательными распоряжениями. Кроме того, назрела необходимость введения в законодательство иных форм, подобных трастам, что позволило бы эффективнее управлять сложными активами, в том числе бизнес-долями, в интересах выгодоприобретателей.

Литература:

1. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, утверждены ВС СССР 31.05.1991 N 2211-1. — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 21.02.2026).

2. О внесении изменений и дополнений в статью 532 Гражданского кодекса РСФСР: Федеральный закон от 14.05.2001 N 51-ФЗ. — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 21.02.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 частях. Часть 3: Федеральный закон от 26.11.2001 N 146-ФЗ. — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 21.02.2026).
4. О внесении изменения в статью 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 09.03.2016 N 60-ФЗ. — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 21.02.2026).
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.03.2016 N 79-ФЗ. — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 21.02.2026).
6. О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2017 N 259-ФЗ. — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 21.02.2026).
7. О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 19.07.2018 N 217-ФЗ. — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 21.02.2026).
8. О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.10.2012 N 166-ФЗ. — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 21.02.2026).
9. Шиловост, О. Ю. Наследование по закону в российском гражданском праве / О. Ю. Шиловост. — М.: Норма, 2006. — 271 с. — Текст: непосредственный.

10. Гонгало, Ю. Б. Юридические факты в наследственном праве России и Франции: Сравнительно-правовое исследование / Ю. Б. Гонгало. — М.: Статут, 2010. — 310 с. — Текст: непосредственный.
11. Основы наследственного права России, Германии, Франции / Ю. Б. Гонгало, К. А. Михалев, Е. Ю. Петров, Е. А. Путинцева. — М.: Статут, 2015. — 271 с. — Текст: непосредственный.

Проблемы имплементации международно-правовых стандартов противодействия наркопреступности в законодательство стран Юго-Восточной Азии

Сергеев Алексей Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Говердовская Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

В статье представлен комплексный анализ правовых и институциональных препятствий, затрудняющих эффективную имплементацию положений международных антинаркотических конвенций ООН в национальные правовые системы государств Юго-Восточной Азии. Исследуется феномен разрыва между международными обязательствами государств и фактической правоприменительной практикой. Автор рассматривает диспаритет уголовного законодательства стран АСЕАН, проблемы квалификации новых психоактивных веществ, а также влияние коррупционных факторов и различий в процессуальных нормах на эффективность механизмов экстрадиции и взаимной правовой помощи.

Ключевые слова: имплементация международного права, Юго-Восточная Азия, АСЕАН, синтетические наркотики, экстрадиция, правовая помощь, гармонизация законодательства, Конвенция ООН 1988 года.

Современная архитектура международной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе сталкивается с фундаментальным вызовом в лице транснациональной организованной наркопреступности, масштабы которой продолжают расти, несмотря на развитую систему международно-правового регулирования. Согласно отчетам Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), Юго-Восточная Азия утвердилась в статусе глобального центра производства и распространения синтетических наркотиков, прежде

всего метамфетамина и кетамина [1]. Данная ситуация формирует своеобразный правовой парадокс: большинство государств региона, включая Таиланд, Вьетнам, Индонезию и Мьянму, являются добросовестными участниками ключевых международных договоров — Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года, Конвенции о психотропных веществах 1971 года и Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года [2]. Однако наличие ратифицированных конвенций не гарантирует их автоматического и эффективного исполнения, что свидетельствует о наличии глубокого разрыва между *de jure* принятыми международными обязательствами и *de facto* существующей национальной правоприменительной практикой.

Одним из главных препятствий для формирования единого антинаркотического пространства в регионе является отсутствие гармонизации национальных уголовных законодательств. Хотя международные конвенции императивно требуют криминализации производства и сбыта наркотических средств, вопросы пенализации и определения меры ответственности остаются в сфере суверенного усмотрения национального законодателя. В результате в Юго-Восточной Азии сложился выраженный правовой диспаритет. С одной стороны, правовые системы таких государств, как Сингапур, Вьетнам и Индонезия, придерживаются жесткой прогибационистской модели, предусматривающей применение исключительной меры наказания вплоть до смертной казни за квалифицированные составы наркопреступлений. С другой стороны, наблюдается тенденция к либерализации законодательства в отдельных странах, наиболее ярким примером чего стала декриминализация каннабиса и смещение акцента на медико-социальную реабилитацию в Таиланде. Подобная правовая гетерогенность создает благоприятные условия для транснациональных криминальных синдикатов, которые, используя тактику «выбора юрисдикции» (*jurisdiction shopping*), адаптируют свои логистические маршруты через страны с наименее жестким режимом контроля, превращая различия в национальных законах в свое конкурентное преимущество [3].

Проблема законодательной дивергенции усугубляется спецификой объекта регулирования. Современный наркорынок региона характеризуется переходом от наркотиков растительного происхождения к синтетическим веществам, производство которых требует использования широкого спектра химических прекурсоров. Статья 12 Конвенции ООН 1988 года возлагает на государства обязательство по контролю за оборотом прекурсоров, однако эффективная имплементация данной нормы в национальные правовые системы сталкива-

ется с объективными трудностями [2]. Масштабы легальной химической и фармацевтической промышленности в регионе делают задачу выявления утечек прекурсоров в нелегальный оборот крайне сложной. Более того, скорость появления новых химических формул психоактивных веществ значительно опережает темпы законотворческого процесса. В ряде стран региона процедура внесения нового вещества в список запрещенных к обороту требует длительных межведомственных согласований и парламентских утверждений, создавая временные «правовые лакуны», в период действия которых оборот нового вещества формально не подпадает под уголовно-правовой запрет. Это требует внедрения в законодательство механизмов опережающего реагирования, таких как «аналоговый контроль» веществ по схожести химической структуры, что пока реализовано лишь фрагментарно.

Наряду с законодательными пробелами, критическим фактором низкой эффективности правоприменения остается институциональная слабость и коррупция. Эффективность имплементации международных норм находится в прямой зависимости от способности государства обеспечивать исполнение закона на всей своей территории. Однако в отдельных зонах региона, в частности в приграничных районах Мьянмы, входящих в так называемый «Золотой треугольник», наблюдается эрозия государственного суверенитета. На территориях, контролируемых этническими вооруженными формированиями, нормы международного права и национального законодательства фактически замещаются неформальными правилами, установленными криминальными акторами [3]. В таких условиях даже совершенное законодательство утрачивает силу. Ситуация усугубляется коррупцией в пограничных и таможенных ведомствах, которая позволяет организованным преступным группам осуществлять беспрепятственный транзит прекурсоров и готовой продукции, нивелируя усилия по укреплению пограничного контроля, предусмотренные региональными планами действий АСЕАН [5].

Сложности возникают и в сфере международного процессуального сотрудничества, в частности, в вопросах экстрадиции и взаимной правовой помощи по уголовным делам. Несмотря на наличие региональных инструментов, таких как Договор о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2004 года, их практическая реализация затруднена различиями в правовых системах государств-участников [4]. Существование в регионе англосаксонской, континентальной и социалистической правовых семей порождает несовместимость стандартов сбора и закрепления доказательств, что часто приводит к признанию доказательств, полученных в одной юрисдикции, недопустимыми судами

другой страны. Кроме того, принцип двойной криминализации, являющийся обязательным условием экстрадиции, нередко становится формальным основанием для отказа в выдаче преступников из-за различий в квалификации деяний, особенно в сфере отмывания денег и оборота прекурсоров. Политический принцип невмешательства во внутренние дела, традиционно сильный в дипломатии АСЕАН, также ограничивает возможности проведения совместных трансграничных расследований.

Резюмируя вышесказанное, проблематика имплементации международных антинаркотических стандартов в Юго-Восточной Азии носит системный характер и не может быть сведена исключительно к недостаткам законодательной техники. Она обусловлена комплексом факторов, включающих правовую асимметрию национальных юрисдикций, высокую адаптивность наркобизнеса к существующим запретам, а также институциональные ограничения и коррупционные риски. Преодоление сложившейся ситуации требует перехода от модели формального присоединения к международным конвенциям к глубокой гармонизации национальных законодательств, унификации списков контролируемых веществ и созданию интегрированных механизмов правовой помощи, способных функционировать в режиме реального времени.

Литература:

1. United, Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) Synthetic Drugs in East and Southeast Asia: Latest developments and challenges 2023 / Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) United. — Bangkok: UNODC Regional Office for Southeast Asia and the Pacific, 2023.
2. United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances, 1988. // United Nations Treaty Series. —: United Nations, 1988. — С. 95.
3. Douglas, J. The drug economy in the Golden Triangle: Synthetic drugs and the sovereign challenge / J. Douglas. // Southeast Asia: The illicit economy and the impact on governance. — UNODC, 2021. — С. 10–18.
4. Treaty on Mutual Legal Assistance in Criminal Matters. // agreement.asean.org. — URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20161129035047.pdf> (дата обращения: 11.02.2026).
5. ASEAN, Senior Officials on Drug Matters (ASOD) ASEAN Work Plan on Securing Communities Against Illicit Drugs 2016–2025 / Senior Officials on Drug Matters (ASOD) ASEAN. — Jakarta: ASEAN Secretariat, 2016. — 42 с.

ИСТОРИЯ

Ольстерский национализм — отчужденная идеология Северной Ирландии

Амиров Андрей Витальевич, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В этой статье рассматривается Ольстерский национализм в качестве непопулярной идеи в вопросе судьбы Северной Ирландии. Основное внимание уделяется трем моментам: историческая справка по возникновению этого особенного национализма; какое место он занимал в конфликте в Ольстере (смуте) 1969–1998 гг.; также актуальность этой идеологии на современном этапе.

Ключевые слова: ольстерский национализм, Северная Ирландия, третий путь Ольстера, Англия.

В начале стоит определить дефиницию Ольстерского национализма. На одном из сайтов самих националистов, Ольстерский национализм определяется, как политическое движение радикальных ольстерских националистов, базирующееся в Северной Ирландии (Ольстере). Это новое мировоззрение, ориентированное не на иностранное суверенное государство (Британия и Ирландия), а на сам Ольстер. Довольно абстрактное определение, из которого можно подчерпнуть, что ольстерские националисты имели альтернативную точку зрения по поводу будущего существования Северной Ирландии — независимый Ольстер, когда лоялисты/юнионисты предлагают оставаться под британской короной, а республиканцы присоединение к остальной Ирландии. В добавок к этому, ольстерцы представляются как отдельная нация со своей уникальной историей и культурой [9].

Кратце, ольстерский национализм начал зарождаться в 1921 г., когда впервые возникла идея перевести Ольстер в статус доминиона — премьер-министр Северной Ирландии Джеймс Крейг, во время переговоров по урегулированию войны за независимость Ирландии, предложил, чтоб Ольстер стал доминионом Британии, сказав, что Вестминстер меньшее зло, нежели быть ча-

стью всеирландского парламента. Но эта идея так и не воплотилась, поскольку Северная Ирландия сама воспользовалась положением англо-ирландского договора стать частью Британии, не доминионом. Важно понять, что это не являлось программой премьер-министра Ольстера, а лишь мысль в переговорах с Британией [3, с. 4,5].

В качестве идеологии ольстерский национализм возник в 1946 г., когда бывший министр правительства Северной Ирландии У.Ф. Маккой транслировал эту идею, но несколько в ограниченной форме, поскольку подразумевалось государство Ольстер в качестве доминиона Британии, как Канада, Новая Зеландия и т. д. Маккой был убежденным юнионистом и видел в этой идее укрепление взаимосвязи Ольстера с Британией — ольстерский национализм имеет юнионистские корни. Именно Маккой считают первым открытым ольстерским националистом, поскольку он вызвал большой резонанс, когда призывал к статусу доминиона Ольстер, но эту идею забраковали [9]. В итоге сложилась такая картина: в 1921 г. независимый Ольстер это была просто мысль в качестве тактического хода, когда в 1946 г. мысль о статусе доминиона стала идейной.

Новая вспышка ольстерского национализма возникла в ходе конфликта в Северной Ирландии (смуты) 1969–1998 гг., а именно в 1972 г., когда Вестминстер распустил североирландский парламент (Стормонт), что, естественно, вызвало недовольство даже в кругах лоялистов/юнионистов. Одним из самых влиятельных ольстерских националистов был профессор Кеннеди Линдси, поскольку он написал серию влиятельных работ по поводу независимости Ольстера, одна из них это «Dominion of Ulster», где он обосновывает жизнеспособность Ольстера в статусе доминиона — он видел это единственным решением выхода из ситуации «смуты» в виде независимой Ольстерской республики, которая все же будет связана с Великобританией и другими странами Содружества наций общей присягой на верность короне. Как считает автор, это хорошо зарекомендовавшая себя конституционная модель [5].

Эта идея, действительно, имела свой охват, так в одной из статей сайта ольстерского националиста, описывается, что в середине 1970-х идея независимости Северной Ирландии получила широкую поддержку в консервативных юнионистских кругах и даже среди представителей других конфессий, в частности среди членов Социал-демократической и лейбористской партии Ирландии, особенно среди профсоюзного деятеля Пэдди Девлина. В то время появилось несколько небольших групп, выступавших за независимость, но только одна из них, Партия Доминиона профессора Линдсея, участвовала в выборах [9].

Самый влиятельный документ, выступающий за независимость, «По ту сторону религиозного раскола», был опубликован связанной с Ассоциацией обороны Ольстера Группой политических исследований Ольстера в 1979 году. Жена Джона Макмайкла (один из тех, кто этот документ составлял), вспоминает, что он направлял деятельность Ассоциации молодых христиан на политический путь — политизировалась молодежь, причем на лад ольстерского национализма [7]. Возвращаясь к самому документу, в нем указывается, что неприемлемо присоединение Ольстера к остальной Ирландии, также неприемлема интеграция с Британией, единственно верное решение — независимость Северной Ирландии с политической моделью как в США, отвергается модель Великобритании. Важно отметить, что в этом документе представлен план по обретению независимости за 16–20 лет, постепенно, пошагово [4]. Всё же, идею продвинуть в мейнстрим не получилось, поскольку руководство Ассоциации обороны Ольстера никогда не предпринимало попыток привлечь своих добровольцев к радикализму — инициатива сошла на нет, а члены Ассоциации продолжили голосовать за юнионистов в политической игре.

Наступило затишье ольстерского национализма, но случился 1985 г., когда Англия заключило соглашение с Ирландией, это вызвало различные реакции среди политических движений в Ольстере (юнионисты, республиканцы), в соответствии с их взглядами, так снова вспыхнул ольстерский национализм, который проявлялся в самой Англии — партия Национальный фронт выступала за независимость Ольстера, выпустила также брошюру «Alternative Ulster facing up to the future», к сожалению, брошюра находится лишь в одной из библиотек Северной Ирландии, и доступ к ней затруднителен, поэтому будем пользоваться данными сайта Ольстерский националист, где утверждается, что Ольстер должен быть независим, а также он представляет отдельную нацию. Сам Национальный фронт не пользовался широкой поддержкой в Англии, соответственно, их идеи в отношении Северной Ирландии не обрели широкую аудиторию [9]. Также в конце 1980-х, опираясь на идеи ольстерского национализма Хью Росс учредил Комитет независимости Ольстера оно же позже Движение за независимость Ольстера, которое ни раз участвовало в выборах и имело свою аудиторию, а после Белфастского соглашения 1998 г. (Страстная пятница) движение было на своем пике популярности (совсем не на долго), однако Хью Росс стал жертвой клеветы со стороны Англии и движение распалось в будущем [6]

Со всеми вытекающими приходим к выводу, что ольстерский национализм в качестве третьей силы был весьма слаб и не нес за собой какие-либо реаль-

ные шаги к независимости Ольстера, поскольку представители этой идеологии не предлагали реальное и адекватное решение по поводу будущей экономики, даже сам профессор Кеннеди Линдси в своей работе отмечал это решение нежелательным, поскольку бы сохранялась как минимум частичная экономическая зависимость от Британии [5]. Также жена Джона Макмайкла в своей статье утверждает, что против этой идеи есть множество аргументов, которые, в большинстве своем, являются экономическими [7].

Миссию Хью Росса подхватила партия Третий путь Ольстера, центральной идеей которой был все также ольстерский национализм, эта партия имела организационный аппарат пропаганды и агитации. Во главе этой партии был Дэвид Керр, который участвовал во Всеобщих выборах в Соединенном Королевстве 2001 г., но предвыборная кампания провалилась — набрал 116 голосов (0.3%), также пытался в местные выборы в том же году, однако набрал наименьшее количество голосов — 28 всего, что говорит о том, что идеи ольстерского национализма были не популярны [8]. Затем уже в 2005 году партия была вовсе исключена из реестра. То есть, ольстерский национализм в нулевые годы переживал явный упадок в своей популярности.

Интересным видится событие Брексит (Выход Англии с Европейского союза) в 2020 г. и последующий Протокол по Северной Ирландии 2021 г., породил пограничную проблему Ольстера и Ирландии, которая регулируется до сих пор (проблема границы Ирландии с Ольстером и Северная Ирландия осталась в рынке ЕС), но это тема отдельной статьи. Суть в том, что эти политические ходы активизировали националистические идеи, в том числе и ольстерский национализм [1].

Так в статье Адама Фуско указывается, что Брексит, что Протокол оживили разговоры о независимости Северной Ирландии [2]. То есть, на современном своем этапе ольстерский национализм всё ещё живет как идея, причем идея непопулярная, поскольку на настоящее время, в Северной Ирландии до сих пор преобладают юнионисты и республиканцы, которые перетягивают из года в год одеяло на себя, а ольстерским националистам — ничего.

Исходя из всей статьи, можно прийти к выводам, что ольстерский национализм имел какую-никакую силу в ходе конфликта 1969–1998 гг., но всё же он оставался непопулярным, поскольку более реальные идеи это: оставаться Ольстеру в составе Англии или же присоединится к остальной Ирландии, поскольку полная независимость невозможна, исходя из экономических соображений. Тем не менее, тема независимости Ольстера жива и свежа на настоящее время, но до сих пор остается отчужденной идеологией, которая, как правило,

вспыхивает в кризисные моменты взаимоотношений Северной Ирландии с Англией.

Литература:

1. Напалкова, И. Е. Ирландская проблема в контексте «брекзита» / И. Е. Напалкова. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/irlandskaya-problema-v-kontekste-brekzit/viewer> (дата обращения: 26.02.2026).
2. Adam, Fusco Northern Ireland independence revisited / Fusco Adam. — Текст: электронный // Wiley: [сайт]. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/pana.12802> (дата обращения: 26.02.2026).
3. Articles of agreement for a Treaty between Great Britain and Ireland. — Текст: электронный // Archive.org: [сайт]. — URL: <https://archive.org/details/op1256876-1001/page/n3/mode/2up> (дата обращения: 26.02.2026).
4. Beyond the Religious Divide. — Текст: электронный // gmulvenna.wordpress.com: [сайт]. — URL: <https://gmulvenna.wordpress.com/wp-content/uploads/2019/12/beyond-the-religious-divide.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).
5. Kennedy, Lindsay DOMINION OF ULSTER? / Lindsay Kennedy. — Текст: электронный // Ulster nation: [сайт]. — URL: <https://web.archive.org/web/20080109210336/http://www.ulsternation.org.uk/> (дата обращения: 26.02.2026).
6. One of the most dangerous men in Ireland? — Текст: электронный // Belfast Telegraph: [сайт]. — URL: <https://www.belfasttelegraph.co.uk/news/one-of-the-most-dangerous-men-in-ireland/a/120140991.html> (дата обращения: 26.02.2026).
7. Shirley, McMichael Beyond the Religious Divide — Revisited / McMichael Shirley. — Текст: электронный // Dr Gareth Mulvenna writing about the troubles.: [сайт]. — URL: <https://gmulvenna.wordpress.com/2019/12/18/beyond-the-religious-divide-revisited/> (дата обращения: 26.02.2026).
8. The 2001 Election in Northern Ireland. — Текст: электронный // TheIrelandStory: [сайт]. — URL: https://wesleyjohnston.com/users/ireland/today/westminster_2001.html (дата обращения: 26.02.2026).
9. Ulster nationalist: официальный сайт. — Обновляется в течении суток. — URL: <http://www.ulsternationalist.freesevers.com/index.html> (дата обращения: 26.02.2026)

СОЦИОЛОГИЯ

Analysis of the theoretical and methodological concepts of researchers on «Gender Roles»

Saduakasova Karlygash Orysbayevna, methodologist

Kyzylorda Regional Universal Scientific Library named after Abdilda Tazhibayev
(Kyzylorda, Kazakhstan)

The article systematically analyzes foreign and domestic theoretical and methodological concepts related to gender roles. The main goal is to compare structural-functionalism, social constructivism, feminist and intersectional directions, identify their conceptual apparatus and methodological features, as well as assess the conceptual development of Kazakhstani gender studies.

The study used comparative analysis, systematic literature review and conceptual analysis methods. As a result, the relationship between universal and cultural-contextual models in explaining gender roles was determined, and the differences between traditional and egalitarian orientations were shown. At the same time, the main problems in domestic studies were identified as inconsistency of measurements and limited use of the intersectional approach.

The conclusion substantiates the need to propose an integrative model that combines cultural-axiological and comparative approaches. The results of the study provide a theoretical basis for improving gender policy, education and social programs.

Keywords: *gender roles, gender ideology, social constructivism, feminist theory, intersectional analysis, traditional and innovative values.*

Introduction

Gender roles are one of the most relevant and debated areas in modern social and humanities. They are considered not only to be based on biological sex, but also as a social construct that is shaped and changed by cultural norms, social expectations, and institutions. In the context of globalization and value transformation, traditional and egalitarian orientations coexist, changing the content and perception of gender roles.

Several theoretical approaches to explaining gender roles have been developed in the literature: structural-functionalism — connects the division of roles with the social order; social constructivism — explains gender as a phenomenon that is «made» in everyday practice; feminist and intersectional theories — analyze them in the context of power, inequality and stratification. In Kazakhstani and post-Soviet studies, this issue is often considered in the context of tradition, religion and regional features.

The object of the study is foreign and domestic theoretical and methodological concepts related to gender roles; the subject is their conceptual apparatus and methodological features. The goal is to identify the main theoretical directions, methodological models and research gaps through comparative analysis.

Main Section

In gender studies, the clarity of concepts determines the quality of theoretical and empirical analysis. Therefore, it is important to clarify the concepts of «gender», «gender role», «gender norm», «gender ideology» and «gender regime».

«Gender» refers to a system of roles and statuses that are socially and culturally constructed, apart from biological sex; it is reproduced through institutions and everyday interaction [1]. J. Butler describes gender as a process that is performatively formed in discourse [2].

«Gender role» is a set of social expectations and functions for women and men. Role theory links them to the division of labor and family structure, while the constructivist approach argues that roles are «made» in everyday practice [3].

«Gender norms» are standards of behavior that are considered «normal» in society; they are reinforced by education, family, religion, and media, and regulated by social sanctions [4].

«Gender ideology» is a system of value orientations regarding the place of men and women in society. It varies between traditional and egalitarian models. The transformation of values is associated with the growth of support for gender equality [5]. «Gender regime» describes how power and institutions in society organize gender inequality.

Traditional roles are usually measured by supporting the primacy of men as breadwinners, the role of women focused on the family, and the dominance of men in positions of power; egalitarian roles are defined by supporting equal opportunities in work, family, and decision-making [6]. In international studies, these positions are measured using Likert scales and combined into indices [7].

The international theoretical tradition consists of several directions. Structural-functionalism links gender roles to institutional stability, but does not sufficiently analyze inequality. Constructivism shows that gender is formed in everyday practice,

but can weaken macrostructural factors [8]. Feminist theories interpret roles as structures of power and inequality, reveal gendered order at the organizational level, but sometimes do not fully capture cultural diversity. Intersectional and postcolonial approaches argue that gender roles are formed at the intersection of ethnicity, class, religion and region, although empirical measurement is increasingly difficult.

Domestic and post-Soviet studies are developing with the logic of adapting international theories to local contexts. Gender roles are often considered in relation to family, labor market, youth values, religion and regional differences [9]. However, there is an inconsistency in the operationalization of concepts, a lack of comparative design, and limited intersectional analysis.

Methodologically, gender roles are measured at three levels: attitudes, role expectations, and practices. Quantitative methods allow for comparisons but are subject to social desirability bias and cultural differences [10]. Qualitative approaches reveal the logic of role formation, and mixed-method designs are effective in explaining the gap between public opinion and actual practice. In general, it is necessary to integrate institutional, constructivist, and intersectional approaches in theory; future research should focus on standardizing measures, expanding cross-regional comparisons, and identifying hybrid role models.

Conclusion

The analysis showed that it is impossible to fully explain gender roles with a single theory. Structural-functionalism describes institutional foundations, but does not sufficiently reveal power and inequality. Social constructivism explains the everyday «making» of gender, but weakens the macrostructure. Feminist and intersectional theories deeply analyze power and intersecting inequalities. The value transformation model explains the dynamics of traditional and egalitarian orientations. Therefore, the most effective is an integrative approach that combines institutional, cultural, and power dimensions.

From a methodological point of view, a mixed methods design is optimal for Kazakhstan. Quantitative surveys measure public opinion, but do not fully reveal the difference with practice; qualitative methods deepen the content, but have limited generalization. Therefore, a mixed model that combines representative surveys and qualitative analysis, as well as the systematic introduction of intersectional indicators, is effective.

From a practical perspective, the research findings serve to reduce stereotypes in the education system, strengthen equal opportunities in family and youth policies, substantiate gender equality in the labor market, and formulate policies that are

sensitive to cultural context. Integrative theory and mixed methods allow for an evidence-based analysis of gender relations in Kazakhstan.

Funding

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan. Grant AP26101317. The influence of cultural values on the formation of gender roles of the inhabitants of the southern regions of Kazakhstan: traditional and innovative approaches

References:

1. Parsons T., Bales R. F. Family, Socialization and Interaction Process. — Glencoe: Free Press, 1955. — 422 p.
2. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. — New York: Routledge, 1990. — 172 p.
3. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. — New York: Free Press, 1968. — 702 p.
4. Eagly A. H. Sex Differences in Social Behavior: A Social-Role Interpretation. — Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1987. — 256 p.
5. Walby S. Theorizing Patriarchy. — Oxford: Basil Blackwell, 1990. — 256 p.
6. Friedan B. The Feminine Mystique. — New York: W.W. Norton, 1963. — 592 p.
7. Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics // University of Chicago Legal Forum. — 1989. — Vol. 1989. — P. 139–167.
8. Mohanty C. T. Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses // Feminist Review. — 1988. — № 30. — P. 61–88.
9. Davis S. N., Greenstein T. N. Gender Ideology: Components, Predictors, and Consequences // Annual Review of Sociology. — 2009. — Vol. 35. — P. 87–105.
10. Inglehart R., Norris P. Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change Around the World. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 22 p.

Социальные ценности и профессиональный статус женщин – топ-менеджеров в Казахстане¹

Сыздыкова Макпал Бархияевна, кандидат социологических наук, старший преподаватель

Кызылординский университет имени КORKYT Ата (Казахстан)

В статье рассматриваются положение, статус и социальные ценности женщин-топ-менеджеров в Казахстане в обществе. В настоящее время в сфере управления важны не только профессиональные, но и личностные и социальные ценности топ-менеджеров.

Основная цель исследования-определить социальный портрет и имидж женщины-топ-менеджера. Однако на полное формирование их ценностей и ответственности требованиям современного менеджмента влияют различные социальные факторы.

Сегодня социальные ценности топ-менеджеров не получили полного признания и положительной оценки со стороны общества. Поэтому необходимо специально изучать и целенаправленно развивать их систему ценностей. С этой целью был использован метод экспертного интервьюирования и определен уровень социальных ценностей топ-менеджеров — женщин.

Ключевые слова: топ-менеджер, статус, роль, ценности, образ женщины.

С конца XX века деятельность и статус топ-менеджеров в обществе стали изучаться в социально-гуманитарных науках. Раньше этот вопрос рассматривался в основном в зарубежных работах и только с точки зрения менеджмента. В большинстве случаев анализировалось содержание, достижения и ошибки их работы. Однако не всегда эффективно использовать зарубежный опыт в полной мере в нашем обществе. Поэтому необходимо специально изучить систему менеджмента в Казахстане и специфику топ-менеджеров.

По мнению российского социолога С.А. Инясевского, топ-менеджеры — это управленцы с высоким уровнем административного и человеческого капитала, склонные к инновациям [4, с. 13]. То есть они берут на себя ответственность и стремятся вводить новшества. Ученые называют несколько инновационных моделей менеджеров: инвестиционные, организационные,

¹ Данная статья подготовлена в рамках научного проекта «Влияние культурных ценностей на формирование гендерных ролей жителей южных регионов Казахстана: традиционные и инновационные подходы» и финансирована Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Грант AP26101317.

посреднические, аквизиционные, коммерческие и консалтинговые модели. Одна из тех, кто сопровождает такие направления, — это женщины — топ-менеджеры.

Сегодня отношение общества к женщинам-руководителям меняется. В современном управлении важен принцип «работать с умом, а не усердно работать». Согласно исследованиям, 15% успеха менеджера зависит от профессиональных способностей, а 85% — от навыков общения с людьми. В этом контексте видно, что женщины-лидеры обладают высокими коммуникативными способностями.

Есть также разница между мужским и женским начальством. В то время как мужчины часто стремятся решить проблему самостоятельно, женщины-лидеры полагаются на коллективное обсуждение, общее мнение. Они заботятся о совместной работе, а не о строгом распределении обязанностей. Кроме того, женщины часто не решаются обратиться за прямой помощью, но готовы взять на себя ответственность.

Таким образом, стиль управления топ-менеджеров — женщин основан на ответственности, сотрудничестве и социально-психологической гармонии. Это одна из их основных социальных ценностей.

Женщины-лидеры не редкость в современном Казахстане. Однако в обществе до сих пор сохранилось представление о том, что «женщина — это источник семьи». Тем не менее, успешные женщины-лидеры доказывают, что могут совмещать семью и службу. Примером этого является бывший премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. Помимо управления страной, она также выполняла роль матери.

В истории были разные мнения о роли женщины в управлении. Например, в то время как Джон Локк [6, с. 277] писал, что окончательное решение в семье принадлежит мужчине, Шарль Монтескье [7, с. 784] сказал, что женщины также могут успешно управлять государством. Текущие исследования также показывают, что успех управления зависит не от пола руководителя, а от его лидерских качеств.

Согласно психологическим исследованиям, женщины — топ-менеджеры отличаются настойчивостью, ответственностью и терпением в работе с людьми. Они стремятся создать атмосферу доверия в коллективе, оказать поддержку, прийти к соглашению. В то время как мужчины часто полагаются на жесткую иерархию и власть, женщины предпочитают управлять посредством убеждения, мотивации, горизонтального общения.

Женщины-руководители склонны принимать решения, консультируясь с командой, и считают важным оказывать сотрудникам моральную поддержку. Кроме того, внешность и деловой стиль также играют роль в их репутации, поскольку мода и образ воспринимаются как признак социального статуса.

Конечно, женщины сталкиваются с различными препятствиями на пути к управлению. Но они отличаются спокойствием, гибкостью и открытостью к инновациям. Сегодня в развитых странах мира растет доля женщин в сфере управления. В Казахстане женщины также достигают карьерного роста постепенно («step by step»), часто благодаря профессионализму и эффективной работе.

В заключение, в современном обществе женщины-топ-менеджеры формируют модель эффективного управления, сочетая семью и деятельность.

В современных социально-гуманитарных исследованиях особое внимание уделяется роли женщин в управленческой деятельности. В рамках гендерных исследований доказывается, что эффективность управления зависит не от пола руководителя, а от его профессиональных и личностных качеств. Идеи в этом направлении широко рассматриваются в теориях лидерства. Например, в философии управления в работах Джона Локка и Шарля Монтескье представлены различные подходы к вопросам власти и управления в обществе. Современные исследования предполагают развитие этих идей, связывая их с современной социальной структурой.

Стиль управления женщин-топ-менеджеров часто носит социально-психологический характер. Исследования показывают, что в управленческой практике женщин-руководителей преобладают коллективное принятие решений, использование методов убеждения и поощрение сотрудников. Эта тенденция также связана с теорией эмоционального интеллекта. Например, Дэниел Гоулман, изучавший проблемы эмоционального интеллекта, отметил, что эмоциональная стабильность личности и способность эффективно общаться с людьми играют важную роль в управлении.

Кроме того, психологические особенности женщин-руководителей положительно влияют на их управленческую эффективность. Они характеризуются быстрой адаптацией к изменяющимся социально-экономическим условиям, высоким чувством постоянного интереса и ответственности. Женщины-менеджеры часто придают большое значение развитию командного сотрудничества, созданию атмосферы доверия среди сотрудников. И видно, что мужчины чаще полагаются на иерархические и строгие методы контроля в управлении.

В современном обществе растет авторитет и возможности женщин в сфере управления. Стиль управления женщин-лидеров отличается не только профессиональной компетентностью, но и социальной ответственностью, умением оказывать моральную поддержку. Эти особенности способствуют повышению эффективности деятельности организации.

Таким образом, роль женщин-топ-менеджеров становится все более важной в современной системе менеджмента. Их управленческий опыт отличается инновационным мышлением, использованием гибких стратегий и эффективным использованием социально-психологических методов.

Литература:

1. Eagly A. H. The leadership styles of women and men. // Journal of Social Issues. — vol 57. — 2001. — PP. 781–797.
2. Зборовский Г. Е., Костина Н. Б. Социология управления. — М.: ГАРДАРИКИ, 2008. — 272 с.
3. Зинченко Г. П. Социология для менеджеров. — Ростов-на-Дону: «Феникс», 2001. — 352 с.
4. Инясевский С. А. Ресурсные характеристики менеджеров как социально-профессиональной группы современного Российского общества. — М., 2009. — 28 с.
5. Крис О. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. — М.: Новости, 1992. — 544 с.
6. Локк Д. Басқару туралы екі трактат. — Алматы: «Раритет», 2004. — 277 б.
7. Монтескье Ш. Заңдар рухы туралы. — Алматы: «Үш қиян», 2004. — 784 б.

ПСИХОЛОГИЯ

Сравнительный анализ динамики и структуры интернет-зависимости у подростков: от 2000-х к 2025–2026 годам

Петренко Михаил Сергеевич, студент

Ставропольский многопрофильный колледж

В статье представлен сравнительный анализ динамики и структуры интернет-зависимости среди подростков периода 2000–2026 гг., а также анализ поведенческих особенностей подростков относительно интернет-аддикции. Рассматриваются изменения в распространённости зависимости, её симптоматике и методах диагностики. Показано, что за четверть века произошёл значительный рост числа молодых людей, признающих наличие зависимости. Обозреваются исследовательские методики, а также тесты и эксперименты, приводимые в современных научных статьях, которые на данный момент требуют полного пересмотра и адаптации под современные реалии.

Ключевые слова: интернет-зависимость, интернет-аддикция, подростки, цифровизация, клиповое мышление.

Введение

Стремительная цифровизация всех сфер жизни, особенно активное внедрение интернета в повседневность подростков и молодёжи, уже на протяжении двух десятилетий привлекает внимание психологов и педагогов. Проблема интернет-зависимости (аддиктивного поведения, связанного с использованием сети) была впервые описана на рубеже веков и с тех пор остаётся в фокусе научных дискуссий. Однако за прошедшие 20–25 лет кардинально изменилась и сама цифровая среда (появление социальных сетей, мессенджеров, коротких видеороликов, алгоритмически управляемого контента), а также, вероятно, глубина и структура зависимости. Исследования начала 2000-х годов, заложившие основы диагностики интернет-аддикции, фиксировали её как сравнительно редкое явление. В то же время данные последних лет (2025–2026 гг.) демонстрируют не только количественный рост числа зависимых, но и каче-

ственное изменение симптоматики: зависимость всё чаще связывается с глубинными психологическими факторами — низкой осмысленностью жизни, неуверенностью в себе, тревогой. В связи с этим возникает необходимость в сравнительном анализе динамики интернет-зависимости «раньше» и «сейчас», который позволит определить направления для более эффективной профилактической работы. Цель данной статьи — провести сравнительный анализ динамики, структуры и методик интернет-зависимости среди подростков и молодёжи в периоды 2000–2026 гг., а также обратить внимание на неактуальность подходов и самих методик исследования.

Впервые обсуждать феномен компьютерной зависимости начали еще в 80-х годах американские учёные. Наиболее обширные и детальные исследования начала проводить психолог **Кимберли Янг** — Директор Центра лечения компьютерной зависимости. Именно она стала фактически прародителем понятия компьютерной зависимости и методик ее профилактики, описав феномен и разработав известный в этой области тест для оценки симптомов и компульсивности поведения. На 2026 г. Экспертами термин «компьютерная зависимость» еще не признан полностью, однако многочисленные исследования и эксперименты в этой области показывают то, что тенденции, скорость распространения, осложнения и эволюция симптомов становятся более выраженными. Во времена 2000-х были придуманы известнейшие тесты для оценки симптомов и выявления интернет-аддикции — Тест К. Янг и Шкала Чена (1995–2004 гг.), чьи методики в современных исследованиях используются по сей день [4]. Тогда же зарождалась эпоха технологической сети Dial-up, и интернет-аддикция рассматривалась иначе. Интернет был скорее экзотикой, чем повседневностью. Но вместе с тем как развивался интернет и технологии, менялись и сама симптоматика с характером зависимости.

Множественные исследования показывают: чаще симптомы компьютерной зависимости проявляются у подростков. Это является следствием множества причин, которые часто для каждого отдельного человека субъективны. Чаще всего психологи отмечают это сложностью с социальной составляющей и личностными проблемами, включающие в себя: замкнутость, неуверенность в себе и тревогу. [1], [2]

Проблема обусловлена тем, что *школьники и студенты* **большую** часть своего времени проводят в интернете и гаджетах в целом, предпочитая коммуникацию и общение там. В свою очередь злоупотребление использованием интернета и времяпрепровождения в нем негативно отражается на разных сферах жизни: психическом здоровье, физическом здоровье, социальных отношениях и когнитивной способности. [1] Хотя и сам термин интернет-зависимо-

сти еще не признан как определенный «диагноз», многие эксперты в области психологии отмечают ее как серьезную проблему, требующую большого внимания. Структура проблемы за 25 лет сильно видоизменилась: ранее в 2000-е преобладали совсем разные типы онлайн активностей: чаты и форумы, сейчас же: игры, соцсети, мессенджеры и различные видео-площадки. Изобилие контента и его выбора неизбежно привело к повышению уровня общего стресса в связи со страхом сделать неверные выводы и заикнуться не на том. В соответствии с этим менялись и сами психологические механизмы зависимости, которые ранее обуславливались скорее чем уход от реальности, нежели чем клиповое мышление и погоня за дофамином как сейчас. Симптоматика рассматривалась больше как то, что человек забрасывает учебу и работу, пренебрегая своим здоровьем ради времяпрепровождения в интернете, предпочитая нахождение там большую часть своего времени. Все видоизменения можно выразить в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика интернет-зависимости у подростков в 2000-е годы и в 2025–2026 гг.

Параметр сравнения	2000-е годы	2025–2026 годы
Основные платформы	Стационарные ПК, Dial-Up, чаты, форумы, простейшие онлайн игры	Смартфоны, Соц. Сети, TikTok, Reels, мессенджеры, видеоплатформы
Типичные симптомы	Пренебрежение учёбой/работой, нарушение ритма жизни и сна	Тревога без доступа к сети, снижение концентрации внимания, снижение когнитивных функций и «FOMO»
Психологическая составляющая	Низкая самооценка, проблемы в общении, одиночество	Низкая осмысленность жизни, замкнутость, агрессивность, потребность в «Быстром дофамине»
Диагностический инструментарий	Тест К. Янг (1994), Шкала Чена (2003)	Те же тесты, которые нуждаются в адаптации под современные реалии

На данный момент современные исследования для выявления числа интернет-зависимых все так же проводятся тестами К. Янг и Шкалой Чена [3], [4] не учитывая того факта, что тесты утратили свою валидность, устарев на данный момент времени. Постоянный доступ к сети, социальные сети и короткие видео (TikTok, Reels) создают принципиально новый и совершенно иной тип зависимости, а технология алгоритмического контента старается сделать все возможное, чтобы пользователь уделял все свое внимание и время на просмотр контента.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ демонстрирует существенную трансформацию структуры интернет-зависимости: от изменения платформ и типичных симптомов, до абсолютно другой психологической составляющей, подчеркивая **неактуальность** нынешних тестов диагностики. Эпоха «вертикальных» видео характеризуется высоким аддиктивным потенциалом, требующим разработки новых терапевтических подходов. Адаптация под современные реалии и разработка новых тестов являются необходимостью, как и разработка новых методов профилактики симптомов и заболевания в целом. [5]

Литература:

1. Лоретц О. Г., Кот Е. М., Пильникова И. Ф., Крохалев А. А., Пильников Л. Н. Компьютерная зависимость // Право и управление — 2024. — № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-zavisimost-1>
2. Обжорин А. М. Профилактика компьютерной и интернет-зависимости в современной школе. // Научное обеспечение системы повышения квалификации — 2011. — № 1 (6) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-kompyuternoy-i-internet-zavisimosti-v-sovremennoy-shkole>
3. Невзорова М. С., Ерменева Н. С. Социально-психологические условия формирования интернет-зависимости у обучающихся и влияние цифровых сред на качество образования // Наука и образование. — 2025. — № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-usloviya-formirovaniya-internet-zavisimosti-u-obuchayushih-sya-i-vliyanie-tsifrovyyh-sred-na-kachestvo-obrazovaniya>
4. Кимберли С. Янг. Clinical aspects of Internet addiction disorder // Медицинская психология в России. — 2015. — № 4 (33) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/clinical-aspects-of-internet-addiction-disorder>
5. Кафарова К. З., Пономарева Я. А., Газизова Н. В. Психологические особенности цифровой зависимости у подростков и пути ее профилактики в образовательной среде. // Kant. — 2025. — № 2 (55) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-tsifrovoy-zavisimosti-u-podrostkov-i-puti-eyo-profilaktiki-v-obrazovatelnoy-srede>

ПЕДАГОГИКА

Современные технологии предотвращения речевых дисфункций у детей раннего возрастного периода

Боева Александра Юрьевна, учитель-логопед

МБОУ «Гимназия № 16», дошкольное отделение «Паровозик» г. Мытищи (Московская область)

В статье автор повествует об основных инструментах работы предупреждения нарушений речевого развития у детей младшего возраста.

Ключевые слова: *превентивные меры, задержки речевого развития, ЗРР.*

Речь представляет собой не только коммуникативный код, но и высшую психическую функцию, опосредующую развитие понятийного мышления и категоризации действительности. Язык выступает в качестве знаково-символической системы, которая обеспечивает интериоризацию социокультурного опыта, вербализацию аффективных состояний и формирование интересубъективных связей в онтогенезе.

В настоящее время отмечается устойчивая тенденция к увеличению количества детей с задержкой речевого развития. По информации на 2024 год, Минздрав РФ утверждал, что проблемы с формированием речи существуют у 30% детей до 3 лет, у каждого четвёртого ребёнка-дошкольника и у 15% школьников. Диагноз задержки речевого развития (ЗРР) устанавливали каждому десятому ребёнку, при этом у мальчиков он встречался в 4 раза чаще, чем у девочек [2].

Проблемы речевого развития перестали быть редкостью — теперь это устойчивая тенденция. Возраст появления первых слов сдвигается на более поздние сроки, активный словарь сужается, а сама речь детей становится всё более упрощенной и примитивной. Эта проблема выходит далеко за рамки логопедии, затрагивая сферы неврологии, педагогики, социологии и даже культурологии. Почему в эпоху доступности информации и развития методик раннего развития современные дети испытывают такие сложности с овладением родным языком?

Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время интерес к раннему развитию детей, в частности речевому и ранней диагностике нарушений возрастает, так же, как и число обращений к специалистам по вопросам задержки речевого развития.

Повествуя о задержки речевого развития невозможно не сказать о факторах, приводящих к ней. Задержка речевого развития (ЗРР) у детей обычно возникает не по одной причине, а из-за целого комплекса факторов [2].

Медицинские причины связаны с состоянием здоровья: это могут быть родовые травмы, гипоксия во время беременности, неврологические нарушения или проблемы со слухом. Также играет роль наследственность — если родители заговорили поздно, ребенок часто повторяет их график развития.

Социальные причины кроются в окружении ребенка. Главный враг современной речи — гаджеты: когда малыш много времени проводит перед экраном, он слышит речь, но у него нет необходимости отвечать, диалог не формируется. Вторая крайность — гиперопека, когда взрослые понимают ребенка с полуслова или жеста, и у того просто пропадает стимул говорить.

Поведенческие причины касаются образа жизни. Детей часто кормят преимущественно мягкой, протертой пищей, из-за чего челюстные мышцы не тренируются (а они нужны для речи). Также современные дети меньше двигаются, а движение напрямую стимулирует мозг.

В онтогенетическом аспекте развитие речи представляет собой сложный, многоуровневый процесс, детерминированный как биологическими (созревание ЦНС), так и социальными факторами (речевая среда, характер общения со взрослым). Недостаточная стимуляция речевого развития в сенситивный период (до 3 лет) ведет к риску возникновения вторичных нарушений когнитивной сферы и трудностей школьного обучения [1].

Исследования Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия убедительно доказали, что все психические процессы у ребенка — восприятие, память, внимание, мыслительные операции, воображение — развиваются через речь.

С позиции логопедии, профилактика задержки речевого развития у детей раннего возраста представляет собой систему превентивных мер, направленных на создание оптимальных условий для своевременного созревания речевых механизмов и формирования всех компонентов языка в дословесный и начальный словесный периоды. В основе современных профилактических технологий лежит понимание речи как сложной функциональной системы, формирующейся при обязательном условии сохранности биологических предпосылок и полноценного социального окружения.

В основные превентивные технологии мы отнесем:

1. Технологии стимуляции доречевого развития (младенческий возраст)

Профилактика ЗРР начинается задолго до появления первых слов. Логопедическая работа в этот период ориентирована на развитие предпосылок речи:

— Нормализация артикуляционного аппарата: Специалисты обучают родителей приемам пассивной артикуляционной гимнастики и логопедического массажа (вибрационного, расслабляющего или активизирующего). Это позволяет подготовить мышцы языка, губ и мягкого неба к произнесению звуков, особенно у детей с неврологической симптоматикой [3].

— Стимуляция гуления и лепета: Используются приемы вызывания голосовых реакций через эмоционально-личностное общение. Логопед учит родителей «вокализовать» вместе с ребенком, повторять за ним его звуки и провоцировать на ответное подражание (эхолалии), что является фундаментом для подражательной способности [4].

2. Технологии развития фонематического слуха и слухового внимания

Речь развивается только при условии, что ребенок научился слышать и дифференцировать звуки окружающей среды и родного языка.

— Фонематическая ритмика: Игровые упражнения на различение неречевых звуков (шум дождя, стук ложек) и речевых (звукоподражания животных) с обязательной двигательной реакцией. Это закладывает базу для будущего звукового анализа.

3. Технологии развития моторного праксиса и межанализаторных связей

С логопедической точки зрения, речь — это «вершина айсберга», основанная на двигательной активности. Современные методики направлены на «проторение» нейронных путей через движение.

— Нейрологопедическая коррекция: применение комплексов кинезиологических упражнений («перекрестные шаги», «колючко», «кулак-ребро-ладонь»), которые синхронизируют работу полушарий мозга и улучшают проводимость нервных импульсов к речевым центрам.

— Логопедическая ритмика с элементами нейродинамики: использование упражнений на координацию слова с движением. Ребенок учится проговаривать слоги (та-та-та) в определенном ритме, отхлопывая его. Это напрямую формирует слоговую структуру будущего слова.

— Биоэнергопластика: синхронное выполнение артикуляционных упражнений и движений кистей рук. Например, упражнение «Чашечка» (язык) сопро-

вождается движением кисти, имитирующим чашу. Это максимально концентрирует внимание и усиливает кинестетические ощущения от артикуляции [3].

4. Технологии сенсорной интеграции в логопедической практике

Понимая, что речь является частью сенсорного развития, логопеды включают в профилактику методы обогащения чувственного опыта.

— *Тактильно-кинестетическая стимуляция*: Использование различных материалов (сухой бассейн, сенсорные дорожки, игры с крупами) для стимуляции рецепторов пальцев. Мозг получает мощный приток сигналов, активизируя речевые зоны, расположенные по соседству с зоной чувствительности рук.

— *Оральный праксис через пищевое поведение*: Современный логопед обучает родителей правильно подбирать консистенцию пищи, своевременно вводить твердые продукты (сушки, яблоки, мясо кусочками). Процесс жевания и откусывания является естественным тренажером для мышц артикуляционного аппарата (языка, губ, челюстей).

5. Технология «Запуска речи» (активизация речевого подражания) [4].

Для детей 2–3 лет с риском ЗРР разработаны специфические протоколы профилактики, направленные на пробуждение речи:

— Провокация высказывания: создание ситуаций, в которых ребенок вынужден использовать голос (например, любимая игрушка неожиданно «исчезает» или «не дает» себя, пока ребенок не попросит: «Дай!»).

— Работа со звукоподражаниями: логопед начинает не со слов (сложно), а с облегченных звукокомплексов: «би-би» (машина), «му» (корова). Акцент делается на многократном эмоциональном проговаривании в игре.

— Комментирование и отраженная речь: логопед обучает родителей технике «параллельного разговора» (проговаривание всех действий ребенка и своих), но с обязательными паузами, чтобы у ребенка было время для ответной голосовой реакции.

В связи с полиэтиологичностью ЗРР (множественностью причин) эффективная коррекционно-профилактическая работа требует реализации междисциплинарного подхода. Необходимо тесное взаимодействие специалистов различного профиля: невролога (курирующего физиологический базис речи), дефектолога и логопеда (непосредственно формирующих речевые навыки), а также психолога, обеспечивающего развитие коммуникативной мотивации. Только комплексное сопровождение позволяет воздействовать на все компоненты речевой функциональной системы.

Ключевым фактором, детерминирующим своевременное и полноценное становление речевой функции у детей раннего возраста, выступает качество

и интенсивность коммуникативного взаимодействия с близким взрослым. Именно в диаде «родитель-ребенок» формируются предпосылки вербальной коммуникации: развивается фонематический слух, обогащается пассивный словарь, закладываются основы интонационной выразительности и потребность в диалоге. Эмоционально окрашенное общение, совместная предметная деятельность и речевое опосредование действий взрослым создают ту развивающую среду, которая является необходимым условием для спонтанного запуска речевых механизмов.

Однако в ряде случаев, несмотря на наличие благоприятных средовых факторов, наблюдается резистентность к развитию — отсутствие или значительная задержка появления активной речи. В подобной клинико-педагогической ситуации тактика выжидания («пассивного наблюдения») является патогенетически необоснованной. Ожидание спонтанной нормализации речевого развития (феномен «заговорит сам») может привести к утрате сенситивного периода для формирования высших психических функций [1].

Ранний возраст (от 1 года до 3 лет) характеризуется максимальной нейропластичностью — способностью центральной нервной системы к структурно-функциональной перестройке под влиянием опыта. Своевременное включение в коррекционный маршрут ребенка профильных специалистов (логопеда, дефектолога, детского невролога, медицинского психолога) позволяет использовать данный ресурс с максимальной эффективностью. Таким образом, обращение за профессиональной помощью при признаках задержки речевого развития является не констатацией педагогической несостоятельности семьи, а проявлением осознанной родительской позиции, направленной на минимизацию риска вторичных нарушений когнитивного и эмоционально-волевого развития.

Литература:

1. Мертвищева, К.З. Задержка речевого развития детей младшего дошкольного возраста: основные аспекты, диагностика и основные способы коррекции / К.З. Мертвищева // Молодой ученый. — 2021. — № 18 (360). — С. 342–344.
2. Острийчук, Д.Д. Выявление детей раннего возраста с задержкой речевого развития / Д.Д. Острийчук, С.А. Тимофеева, Ю.В. Герасименко [и др.] // Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена: [сайт]. — 2025.

3. Рехлясова, Л. П. Вариативные стратегии коррекционно-развивающей работы с детьми раннего возраста с ЗРР / Л. П. Рехлясова, С. Н. Архипова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2025.
4. Тимофеева, П. Ю. Ранняя логопедическая помощь как средство психолого-педагогической абилитации детей раннего возраста с задержкой речевого развития: выпускная квалификационная работа / П. Ю. Тимофеева; Уральский государственный педагогический университет. — Екатеринбург, 2023.

Развитие речи детей в условиях дошкольного пространства

Колыганова Марина Валентиновна, воспитатель

ЧУДО «Мир знаний» (Московская область)

Рбота по развитию речи детей в дошкольном возрасте должна иметь последовательный и системный характер. Она складывается из планирования образовательного процесса на занятиях и развития речи детей в свободной деятельности. При этом учитывается взаимосвязь всех видов деятельности и адаптированность их возрасту и уровню развития детей.

Как уже нередко отмечалось, игра является основной формой воспитательно-образовательного процесса, поэтому и планирование работы по развитию речи детей в свободной деятельности должно базироваться на игровом материале, посвященном словарной работе. В игре должно прослеживаться решение конкретной задачи:

- формирование грамматического строя речи;
- обогащение словаря;
- развитие связанной речи.

В работе по развитию речи детей в свободной деятельности значительное место отводится использованию разных видов игр (развивающие, дидактические, игры-драматизации, народные и др.). С помощью игры ребенку гораздо легче понять непростые законы речи, научиться любить, уважать и беречь ее. Игры подобного рода способны привлечь даже менее активных детей, они дают возможность показать свои способности, возможности и желания.

Важной формой умственного развития детей дошкольного возраста в повседневной жизни являются **дидактические игры и упражнения**, возникающие по желанию детей. Они проводятся с помощью воспитателя в разные пе-

риоды дня (утром, на прогулке, после дневного сна) и направлены на развитие восприятия и представлений об окружающем мире, речевых нормах (правильное произношение, грамматическая правильность речи, богатство словаря, связанность, логичность высказывания).

Другая, не менее важная форма развития ребенка — **народная подвижная игра**. В ней тесно переплетаются две основных функции: физическое и умственное развитие детей. Воспитывая в ребенке силу, выносливость, ловкость и быстроту, народные подвижные игры служат неисчерпаемым источником национальной культуры, правильной русской речи.

В работе по развитию речи детей в свободной деятельности педагоги используют также **художественные произведения**: сказки, рассказы, стихотворения, малые фольклорные формы. Благодаря художественному слову параллельно решаются все речевые задачи:

- воспитание звуковой культуры;
- формирование словаря;
- формирование грамматического строя речи.

Планируя работу по развитию речи, педагог должен учитывать возрастные особенности детей.

Дети 2–3 лет.

Для этого этапа главным является налаживание **эмоционального контакта и делового сотрудничества со взрослым, эмоциональное участие в совместной с другими детьми деятельности**. Ребенок 2–3 лет, понимая языковые средства (слова, фразы), вступает в общение через движение, действие, эмоции, мимику.

Основной для ребенка третьего года жизни является **сюжетно-отобразительная игра**, в которой он материализует свои впечатления и представления в форме предметных действий с игрушками, разворачивает игровой сюжет, т. е. действует в воображаемой ситуации.

Для этого возраста характерна **режиссерская игра**, т. е. индивидуальная игра. Если же в нее включаются другие участники — это уже коллективная игра, т. е. **игра-инсценировка**, в которой несколько детей одновременно действуют с игрушками, разыгрывают сюжет, не принимая на себя той или иной конкретной роли. Игра-инсценировка отличается от режиссерской своей коллективностью, а от **театрализованной игры** — отсутствием зрителей. Она строится на основе отражения впечатлений из личного опыта, т. е. как сюжетно-отобразительная игра, или имеет литературную основу, готовый сюжет (например,

сюжет народной сказки). В обоих случаях это самостоятельная детская активность, импровизация.

Игра-драматизация — импровизация на основе литературного текста, в которой ребенок принимает на себя роль того или иного персонажа и передает ее через слово и собственное движения, действия. В дальнейшем эта игра может стать театрализованной.

На данном этапе крайне важна ритмическая организация деятельности ребенка: чередование игр, требующих положения сидя за столом и лежа на ковре, с подвижными играми; переходы от слушания литературного текста к игре-драматизации, от организованной к свободной, от совместных игр к индивидуальным.

В детском саду лучше начинать с коллективной деятельности за большим столом (составлен из нескольких маленьких), при этом детям не запрещается оставаться слушать сказку на ковре или в игровой зоне. После сказки можно предложить изобразить ее персонажей с элементами **ряжения**. При следующей встрече эта же сказка приходит к детям в виде **настольной игры** — **настольного театра**.

Дидактическая игра «Кто как кричит?»

Игра-драматизация по мотивам сказки «Курочка Ряба»

Игра-инсценировка по сказке «Курочка Ряба»

Настольный театр «Курочка Ряба»

(сравнение четырех видов игры — прослеживается четкая иерархия, последовательность — от простого к сложному)

Очень привлекает малышей наблюдение за рисованием взрослого: так интересно угадывать, что он рисует («Догадайтесь, что это. Она красная, длинная. Похрустите. Вкусная морковка? Сочная?»).

Конструирование и рисование — продуктивные виды деятельности, но они могут использоваться в обучении родной речи как игровой прием в сочетании с приемом драматизации (похрустите морковкой, съестъ нарисованную ягоду, вылепить пирожок).

Дети 3–4 лет.

Как и на предыдущем возрастном этапе, формирование грамматического строя речи (прежде всего структуры предложений) осуществляется через игры, имеющие не узкую дидактическую направленность, а широкий общеразвивающий эффект. Это совместные со взрослыми инсценированные представления и игры-драматизации. Игра побуждает ребенка к импровизации, которая может выражаться в **пластических этюдах**, где выразительное движение со-

проводится метким словом: лисичка красивая, легкая, игривая, идет плавно, ступает мягко. В процесс пластических этюдов можно включить и ряжение. Хороши все те сказки, которые обыгрывались на предыдущем этапе. В детском саду разыгрывать сказки можно утром. Но лучше это делать вечером, когда основная часть детей разойдется по домам.

Первое разыгрывание сказки совсем не похоже на театрализованное действие. В нем могут участвовать две бабки, три мышки. Каждый исполнитель говорит, что хочет и когда захочет, не по порядку.

Очень важно не упускать из виду два направления игры-драматизации: сюжетно-ролевую игру для себя с использованием ролей и эпизодов из сказки и собственно театрализованную игру (для зрителей). Оба вида игры-драматизации очень полезны для развития речи вообще и для совершенствования структуры предложений в частности. Особую ценность представляют импровизированные диалоги персонажей и монолог сказочника. Особый вид составляют игры по мотивам сказки, разыгрываемые не в костюмах, а с игрушками, плоскостными фигурками из настольного театра, куклами бибабо.

В возрасте 3–4 лет речь детей произвольна и ситуативна, изобилует неполными предложениями, характерными для **диалогической речи**.

Поэтому речевые игры направлены на формирование структуры предложения, построение высказывания из нескольких предложений.

Дети 4–5 лет.

Главное направление развития речи на данном этапе — **формирование контекстной речи**. На первый план выступает специальное обучение связанной речи и рассказыванию, как коллективному, так и индивидуальному. В этот период происходит как бы взрыв **словотворчества**: ребенок играет словами, его привлекает творческое повествование, причем повествование-импровизация, которое сродни творческому рассказыванию. Поэтому полезно организовывать с детьми игры-драматизации по народным сказкам и авторским рассказам В. Сутеева, С. Маршака. Наряду с сюжетно-ролевыми играми по мотивам фольклорных и литературных произведений с детьми этого возраста следует разыгрывать театрализованные представления.

Одним из приемов развития речи в свободной деятельности, которая применяется в индивидуальной работе, является «**ситуация письменной речи**». Смысл его состоит в том, что ребенок диктует сочинение, а взрослый записывает. При письме замедляется темп речи, что создает условия для более правильного оформления высказывания. При составлении таких рассказов

совершенствуется связанная речь, понимание смысловой стороны слова, и особенно — синтаксическая структура предложения. Можно завести специальный альбом и записывать в него детские рассказы, а затем читать их вслух в присутствии авторов взрослым и другим детям.

По сравнению с предыдущим возрастным этапом усложняется словарный материал, увеличивается количество игр. Ребенку предоставляется большая самостоятельность при образовании грамматических форм.

Характерной особенностью **детей 5–7 лет** является активное **освоение ребенком речевых конструкций разного типа**. Ребенок осваивает форму **монолог**. В этом возрасте в планирование работы по развитию речи детей включены игры-инсценировки, игры-драматизации по мотивам сказок и литературных произведений, сюжетно-ролевые игры по заданию «рассказывания» («Фотовыставка», «Магазин», «Музей посуды»), прием «ситуация письменной речи», дидактические игры, стимулирующие поисковую активность в сфере словообразования.

При планировании работы по развитию речи детей в свободной деятельности большое значение следует уделить использованию **народных игр, забав, считалок**. Это не только кладёз богатства русского слова, но и способ воспитания уважения и любви к народному языку.

Вывод. Таким образом, в работе по развитию речи детей в свободной деятельности педагоги должны использовать:

- дидактические игры и упражнения;
- сюжетно-отобразительные игры;
- чтение художественных произведений;
- Игры-драматизации;
- Игры-инсценировки;
- Игры-театрализации;
- Настольный театр, театр бибабо и др.;
- Совместное рисование;
- Совместное конструирование;
- Пластические этюды;
- Прием «ситуации письменной речи»;
- Прием «речевые ситуации»;
- Сюжетно-ролевые по рассказыванию;
- Народные подвижные игры, забавы, считалки.

Литература:

1. Придумай слово: Речевые игры и упражнения для дошкольников: Кн. Для воспитателей дет. Сада и родителей / Под ред. О. С. Ушаковой. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ТЦ Сфера, 2010.
2. Развитие речи и творчества дошкольников: Игры, упражнения, конспекты занятий / Под. Ред. О. С. Ушаковой. 2-е изд., доп., испр. — М.: ТЦ Сфера, 2009.
3. Рудик О. С. Развитие речи детей 2–4 лет в свободной деятельности. Методические рекомендации. — М.: ТЦ Сфера, 2009.
4. Рудик О. С. Развитие речи детей 6–7 лет в свободной деятельности. Методические рекомендации. — М.: ТЦ Сфера, 2009.

Формирование ритмико-интонационных навыков у младших школьников посредством песенного материала на уроках английского языка

Кузьмина Татьяна Сергеевна, студент магистратуры

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Статья посвящена использованию песен для развития фонетических умений и формирования ритмико-интонационных навыков у учащихся начальной школы на уроках английского языка. Представлен опыт учителя высшей категории, включающий поэтапный подход к работе с песенным материалом с учётом дифференцированного подхода. Анализируется воздействие работы с песнями на заинтересованность учащихся.

Ключевые слова: начальная школа, песенный материал, ритмико-интонационные навыки, методика, фонетика.

Английская фонетика в значительной степени отличается от русской, что может вызывать трудности усвоения языкового материала у учащихся. Рациональным является заложение основы хорошего произношения на начальном этапе обучения. Это предполагает правильное интонирование, соблюдение пауз, знание особенностей ударения слов в предложении и правильную артикуляцию. Хорошее произношение является необходимым для нормаль-

ного функционирования речи учащихся [2, с. 45]. Аргументируется необходимость постановки произношения на раннем этапе тем, что исправление неправильно поставленного произношения на более поздних этапах вызывает большие сложности у учащихся.

Согласно Федеральной рабочей программе начального общего образования по английскому языку за 2–4 классы, учащиеся в обязательном порядке изучают фонетическую сторону речи. Приведём некоторые примеры тех аспектов фонетики, которые приведены в данном документе и которые могут быть соотнесены с освоением учащимися песен.

Таблица 1. Фонетика в ФРП по английскому языку за 2–4 классы

2 класс	3 класс	4 класс
<ul style="list-style-type: none"> — Различение на слух и адекватное, без ошибок, ведущих к сбою в коммуникации, произнесение слов с соблюдением правильного ударения и фраз/предложений с соблюдением их ритмико-интонационных особенностей; — Чтение новых слов согласно основным правилам чтения; — Различение на слух и правильное произношение слова и фразы/предложения с соблюдением их ритмико-интонационных особенностей. 	<ul style="list-style-type: none"> — Соблюдение ритмико-интонационных особенностей повествовательного, побудительного и вопросительного (общий и специальный вопрос) предложений; — Упомянутые в первом столбце. 	<ul style="list-style-type: none"> — Упомянутые в первом и втором столбцах.

Считается, что среди многообразия средств, используемых при обучении английскому языку, использование песенного материала является одним из наиболее эффективных [3, с. 379]. Более века назад французский учёный Пьер Брок обнаружил в левом полушарии область, отвечающую за репродуцирование речи. Как выяснилось спустя ещё сто лет во время исследований электрической мозговой активности при помощи магнитоэнцефалографии, отдел, обнаруженный П. Броком, также отвечает и за музыку [8, с. 541]. Таким образом, можно сделать мини-вывод о том, что музыка и репродуцирование речи неразрывно связаны биологически.

З. Н. Никитенко отмечает, что совместное пение во время урока является эффективным педагогическим средством, которое организует и объединяет школьников, а также воспитывает их чувства [6, с. 16]. Таким образом, одна из функций использования песен считается воспитательной. Т. М. Веселова отмечает, что «лексико-грамматические конструкции, проговариваемые

в определенном ритме и сопровождаемые музыкальным фоном, вызывают положительные эмоции, усваиваются легче и запоминаются надолго» [1]. Так повышается мотивация и заинтересованность учащихся в изучении иностранного языка, что положительно сказывается на результатах учебной деятельности учащихся.

Отдельно отметим, что тексту любой песни свойственно отражать характерные черты народа, а также культурные и временные реалии. Автор будет вводить их в состав своего произведения сознательно, делая отсылки к каким-то значимым для него событиям и явлениям, или бессознательно [4, с. 227]. Таким образом, через песни учащиеся могут познавать культуру изучаемого ими иностранного языка.

Использование песен для изучения английского языка является проверенным временем многофункциональным средством. Оно помогает отработать произношение отдельных звуков, а также способствует развитию ритмико-интонационных навыков, которые применимы не только при исполнении песни, но и при чтении текста, диалога или составления устного монологического высказывания. Прослушивание аудиоматериала и последующая работа с текстом песни играет важную роль в изучении иностранного языка, а именно способствует мотивации учащегося, развивает коммуникативные навыки, навыки аудирования и лингвострановедческую компетенцию [5, с. 70]. Кроме того, используемые в современных школах УМК, в частности Spotlight и Spotlight обязательно включают в свою программу для начальной школы песенный материал.

Как правило, отбор фонетического материала и его отработки зависит от целей изучения иностранных языков и условий труда [7]. Учителем могут быть включены в урок песни, не встречающиеся в УМК, программу которого проходят учащиеся. Можно предложить следующие рекомендации по отбору подходящих песен для изучения на уроках английского языка:

1. соответствие языковому уровню;
2. чёткость произнесения;
3. аутентичность;
4. умеренный темп;
5. оптимальная длина заучиваемого отрывка из песни;
6. наличие дидактической цели.

При подборе песенного материала учитель может воспользоваться следующим чек-листом:

Таблица 2. Чек-лист для учителя при выборе песенного материала

Язык	Понятна ли будет учащимся основная мысль? Сколько новых слов и конструкций? Чётко ли они произносятся в песне?
Мелодия	Будут ли дети под неё двигаться? Не надоедает ли она при многократном повторении?
Длина	Сколько времени от урока требуется на полноценную работу с этой песней?
Результат	Чему учит песня?
Реакция	Вызовет ли песня интерес у учащихся?
Аутентичность	Насколько полезно изучение песни для понимания культуры англоязычных стран?

Учительницей высшей категории, Такушевич Ольгой Николаевной, работающей в ГБОУ СОШ № 553 с углублённым изучением английского языка Фрунзенского района г. Санкт-Петербурга, в рабочую программу для учащихся начальной школы включён дополнительный песенный материал. В рамках предновогодних уроков изучаются песни Rudolph, the Red-Nosed Reindeer для учащихся 2 и 3 классов и The Twelve Days of Christmas для учащихся 4 класса.

В рамках использования песенного материала учитель прибегает к использованию дифференцированного подхода. Для 2 класса и одной параллели 3 класса, которая сталкивается с трудностями при прохождении учебной программы, учитель предлагает к изучению припев песни. Тогда как для второй параллели 3 класса предлагается изучение полного текста песни.

При работе с песенным материалом важна этапность. Такушевич О. Н. всегда работает с песнями по определённой схеме:

1. Подготовительный этап. Он подразумевает эмоциональное краткое представление песни, её тематики, а также снятие первичных трудностей. Учащимися совместно с учителем переводится песня.

2. Этап первичного восприятия. Учащиеся напрямую знакомятся с песенным материалом. При втором прослушивании учащиеся выполняют задание. Они должны отметить в тексте песни, который предварительно выдан учителем каждому ученику в распечатанном виде, интонационные подъёмы, падения и паузы.

3. Этап отработки произношения. Идёт проверка результатов выполненного задания и коррекция. Далее учащиеся вместе работают над текстом. Произносят вместе отдельные слова, потом переходят на уровень словосочетаний, а затем — на уровень предложений.

4. Заключительный этап. Он подразумевает совместное пение группы под музыку. Подготовка к совместному пению преподносится учащимся в ка-

честве домашнего задания, и на следующем уроке учащиеся исполняют ещё раз песню, что оценивается учителем.

5. Этап рефлексии. В конце урока, на котором учащиеся изучали песню, учитель проводит устный опрос. Учащиеся отмечают, с какими сложностями они столкнулись и сообщают, интересен ли им этот формат работы. Выслушиваются предложения по работе с песнями и идеи, в рамках каких тем можно ещё изучить английские песни.

Песни не только способствовали развитию фонетических умений, в частности формированию ритмико-интонационных навыков, но и расширению словарного запаса. Можно сделать вывод, что использование как песенного материала может способствовать развитию фонетических навыков учащихся начальной школы. Однако материал должен подбираться индивидуально в зависимости от уровня овладения английским учащимися, а также в зависимости от тематики.

Литература:

1. Веселова Т. М., Вильберг Т. Е., Мишина Т. Е. и др. Пой и изучай английскую грамматику, учебное пособие по английскому языку // СПб.: КАРО. 2006. 144 с.
2. Ким А. А. Формирование фонетических навыков у младших школьников на начальном этапе обучения // Вестник науки. 2019. № 1 (10). С. 45–48.
3. Колонских Н. Е., Пономарева Я. С. Использование песенного материала при изучении английского языка // Science Time. 2015. № 4 (16). С. 379–381.
4. Крашенинникова Е. И., Крашенинникова Н. А. Особенности современных англоязычных песен и их использование на уроках английского языка // Преподаватель XXI век. 2019. № 4–1. С. 224–231.
5. Морозова Е. В. Методика работы с песнями на занятиях по иностранному языку на примере песни She's electric музыкальной группы Oasis // Кронос. 2019. № 12 (39). С. 69–72
6. Никитенко З. Н. Аутентичные песни как один из элементов национально-культурного компонента содержания обучения иностранному языку на начальном этапе // Иностраный язык в школе. 1996. № 4. С. 14–20.
7. Стронин М. Ф. Учебные игры на уроке английского. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1984.
8. Maess, B., Koelsch S., Gunter, T. Musical syntax is processed in Broca's area: An MEG study // Nature Neuroscience. 2001. № 4 (5). P. 540–545.

Применение медиаобразовательных методов на уроках русского языка и литературы в СПО с использованием искусственного интеллекта

Светлова Юлия Игоревна, студент магистратуры

Череповецкий государственный университет (Вологодская область)

В статье автор рассматривает понятия медиаобразования и медиаобразовательных методов. Предлагает для работы уже проверенные вариации с внедрением искусственного интеллекта преподавателям русского языка и литературы, которые преподают в СПО.

Ключевые слова: медиаобразование, педагогика, методы, искусственный интеллект, русский язык, литература.

Тенденция выбора среднего профессионального образования после окончания 9 класса продолжает сохраняться. Многие выпускники считают, что быстрее и легче сразу получить профессию, чем изучать лишние два года школьные «бесполезные» уроки. Но в стенах колледжей и техникумов их ожидает самый трудный первый курс — программа за 10–11 класс в сжатом, ускоренном виде, соединенная с начальными профессиональными блоками. Обычно первый месяц ученики, еще помнящие требования школьной системы, уверенно стараются держать дисциплину и показывать себя с лучшей стороны, но спустя время проявляется синдром студента, выраженный в формулировка «зачем мне русский, я пришел профессию получать» или «врачу литература не нужна, нужно знать, из чего состоит тело». В результате первокурсники пропускают занятия, теряют интерес к изучению общеобразовательного предмета или уходят с головой в телефоны и беседы.

Кроме того, поколение Z, с пеленок живущее в сетевом мире, казалось бы, должно разбираться во многих технологиях Всемирной паутины, отличать правду и ложь в Интернете, понимать устройство или принцип деятельности нейросетей. Но детское восприятие, объединенное с ленью, чаще побеждает, и они доверяют всем первым ссылкам и ярким рекламным фразам неизвестных источников.

Актуальность темы обусловлена необходимостью введения в образовательный процесс СПО медиаобразовательных методов, направленных на развитие критического мышления, медиаграмотности, фактчекинга посредством популярных технологий, например, искусственного интеллекта, которые позволят заинтересовать студентов изучать общеобразовательные предметы в условиях колледжа.

Далее разберем основные понятия, описанные выше, и познакомимся с уже существующими методами медиаобразования.

Понятие медиаобразование, как и многие термины в педагогической области, имеет невероятное количество определений, что связано с различными школами и подходами к значению, развитием самого вида образования во времени. Сейчас медиаобразование могут получить студенты в институте на ступени магистратуры по журналистике [2, с. 32–36] или, например, по педагогике; должны изучить на специальных курсах родители для дальнейшего обучения детей правильному использованию медиа внутри семьи [1, с. 23] и действующие преподаватели для развития своей медиакультуры и медиаграмотности учеников [7, с. 1–3]. Часто последние две формулировки относятся к синонимичным терминам изучаемого.

«Психолого-педагогический словарь» определяет медиаобразование (от английского *media education* и латинского *media*) как «направление в педагогике, выступающее за изучение школьниками закономерностей массовой коммуникации. Основная задача медиаобразования — подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации, научить человека понимать ее, осознавать последствия ее воздействия на психику, овладевать способами общения на основе невербальных форм коммуникации с помощью технических средств и современных информационных технологий» [4, с. 241].

По мнению А. В. Федорова, который в своей монографии «Медиаобразование: История, теория и методика» проанализировал большинство взглядов на разбираемые термины в русской и иностранной школах, «медиаобразование («*media education*») — процесс образования и развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений интерпретации, анализа и оценки медиатекста, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники» [5, с. 39].

В его же труде дано объяснение методов медиаобразования, как способов работы педагога и ученика, реализуемых с целью достичь поставленные цели. Он выделяет типичные методы: словесные, наглядные, репродуктивные, исследовательские, эвристические, проблемные, игровые [5, с. 39].

И. В. Чельшева в своей работе предлагает популярные методы взаимодействия с медиа: творческий проект, ролевая игра (например, «суд», «школьная редколлегия», «конкурс дизайнеров»), игры-драматизации, творческие игры,

создание телевизионных или кинематографических мини-сценариев, мозговой штурм, Интернет-форум, анализ медиатекстов и другие [6, с. 177–189].

Медиаобразование, в результате, необходимо для развития и улучшения традиционного образования посредством комплексного изучения прессы, кинематографа, телевидения, видео, Интернета, виртуального мира. Основная его методика — это проведение занятия в творческой системе, развивая при этом мышление учеников (и критическое тоже), навыки восприятия, интерпретации и анализа структуры медиатекста.

Употребленный ранее термин фактчекинг означает сочетание принципов и подходов к техникам и инструментам проверки фактов на достоверность и к верификации информации. По мнению М. С. Корнева в этой ситуации «принципы и подходы важнее техник и инструментов, поскольку позволяют настроить критические фильтры, без которых не возникает самого объекта фактчекинга. То есть важны рациональное сомнение, профессиональное недоверие, критический подход — именно это дает возможность откалибровать исследовательскую оптику» [3, с. 76]. Другими словами, фактчекинг — процесс проверки достоверности фактов в различных источниках (публикациях, каналах, новостях) с целью выявления ошибок, искажений, дезинформации для собственной безопасности и обеспечения точности указанных сведений. Это один из важнейших навыков, который должен передать преподаватель студентам, используя медиаобразовательные методы.

Кроме традиционных методов, представленных во многих источниках, многие специалисты образования предлагают свои варианты взаимодействия в этом направлении с учениками на занятиях. Ниже продемонстрированы медиаобразовательные методы для уроков в СПО по русскому языку и литературе с внедрением популярных, на текущий момент, нейронных сетей:

1. *Издательский батл. Предмет: Литература.* Группа студентов делится на 3 команды: а и б — два конкурирующих издательства (равное количество участников); в — 4 человека — редакционная комиссия или рецензенты.

Суть работы: студенты, представители издательств, готовят сборник стихотворений авторов Серебряного века на медицинскую тему (апробировано на представителях медицинского колледжа). У книги должно быть название (с объяснением выбора), список представителей и их произведений (с указанием причин отбора), обложка сборника, генерируемая через искусственный интеллект. Команда издательства распределяет роли: дизайнеры, редакторы, журналисты, выпускающий редактор, защищающий подготовленный проект. Редакционная комиссия — специалисты, которые выслушивают результаты

работы издательств, анализируют представленные стихотворения и авторов, находят ошибки, задают вопросы по сборникам, определяют выпускают ли книгу в печать и объясняют причины отказа/доработки. Работа с нейросетями. К этой категории будет относиться подготовка обложки в определенной тематике, поиск авторов и стихотворений, отбор названия. Основные ошибки в реализации задания связаны с фактчекингом: неподходящие кандидатуры авторов, например, студенты 1 курса фельдшерского отделения выбрали по рекомендации искусственного интеллекта стихотворение Владимира Бунина «Три врача», который в 2015 году опубликовал его на сайте Стихи.ру, или предлагают стихотворение Цветаевой, которая ведет переписку в «Живом Журнале» в 2019 году. В конце занятия обсуждается результат работы и важность перепроверки информации в Интернете.

2. *Найди ложь. Предмет: Русский язык. Тема: стили речи.* Задача найти и отобрать правдивые новости на медицинскую тему об изменениях в здравоохранении области и страны.

При подготовке к уроку преподаватель через нейросеть составляет новостные статьи с обязательным искажением какой-либо информации, которые перемешивает с реальными событиями из проверенных источников (оформить можно в стиле условной газеты «Правда города N»). Студентам необходимо прочитать полученную газету, выделить на их взгляд правдивые статьи, проверить через Интернет свои домыслы, доказать, что другая часть материала является ложью. В конце урока обсуждение, дискуссия о том, как нужно относиться к любимым новостям.

3. *Говори, как... Предмет: Русский язык. Тема: культура речи.*

Заранее готовятся вырезки видео-диалогов политиков / тренеров / известных людей, которые участвуют в интервью. Задача для студентов — отсмотреть материал, выделить нарушения культуры речи и поведения популярной личности, предложить грамотные ответы респондентов, продуманные самостоятельно, попытаться отыграть ситуацию с помощью искусственного интеллекта, обсудить ответы нейросетей, свои и реального участника интервью, предположить причины возникших неточностей, порочащих репутацию.

4. *Диалог с ИИ. Предмет: Русский язык. Тема: культура речи.* Задача: понять, как должны строить диалог медицинская сестра или врач/фельдшер с разными категориями пациентов (например, пожилой, мама с больным ребенком, инвалид) в разных ситуациях.

Искусственный интеллект имеет возможность запоминать задачи, включая мысль о том, чью роль он отыгрывает. Преподаватель до занятия разра-

батувает карточки, на которых прописано, кем является нейросеть и в какой ситуации она находится. Например, *давай представим, что ты пациент больницы, а именно мама с ребенком, который сломал руку, а я медицинская сестра. Ты очень переживаешь за ребенка, можешь это выразить в путанных формулировках или агрессии в сторону медицинского персонала. Пообщайся со мной.* Подобные карточки раздаем студентам на занятии. Они вносят задачу в любую нейросеть (обычно ИИ самостоятельно сразу дает ответы). Но студент начинает диалог повторно: *«Как вас зовут, что у вас случилось и т. д.»*. На эти вопросы искусственный интеллект уже дает ответы, принимая себя за указанного выше персонажа. В результате ученик должен попытаться помочь человеку (ИИ), вывести из состояния стресса, дать необходимые рекомендации, правильно подобрать слова. В конце пары участники игры приносят или присылают скриншоты составленных диалогов.

5. *Поймай соседа. Предмет: Литература. Тема: анализ стихотворений (любых).* Цель: поймать одноклассника за списыванием, пока тот читает свой ответ на домашнее задание — анализ стихотворения.

Чаще всего студенты рассказывают, что не умеют, не помнят, не знают, но просто не хотят делать сложный анализ стихотворений, искать тропы и разбираться с размерами и рифмами. По этой причине они необдуманно списывают либо с сайтов, либо с ответов искусственного интеллекта уже готовый результат. Задача преподавателя СПО — если и не научить повторно, то хотя бы включить их фантазию при списывании, что в результате заставит работать логику и навык грамотного формулирования материала своим языком. Студентам на этих занятиях разрешено использовать телефоны при прослушивании ответа, вбивать сложные или сомнительные формулировки в Сеть и искать списанную информацию в Интернете. Те, кто смог найти обман, получают баллы, которые потом можно перевести в оценку, а те, кто списывал и был пойман — снижение оценки. В результате в конце года студенты перестают списывать, кропотливее относятся к поиску ответов в Интернете, лучше слушают своих коллег.

6. *Обсуди отрывок фильма. Предмет: Литература. Тема: М. Булгаков, роман «Мастер и Маргарита».* Цель: дать рецензию на вариации фильмов по книге, обсудить, что лучше: книга или фильм, причины популярности одной из версий, создать нестандартный вид сочинения.

Студентам на занятии предлагаются к просмотру отрывки из фильмов разных годов по роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Преподаватель при подготовке самостоятельно отбирает необходимые части фильмов разных годов (желательно одну-три сцены), а ученики обязаны к этой паре про-

читать сам роман. После обсуждения в группе, чтобы не писать традиционное сочинение, студентам предлагают пообщаться на указанную тему с искусственным интеллектом. В результате ученики ведут диалог с нейросетью, учатся доказывать свою точку зрения, находят дополнительную информацию в данных от ИИ. В конце занятия сдают скриншоты переписки.

7. *Сочини стихотворение. Предмет: Литература. Тема: итоговая работа по представителям Серебряного века.* В 10–11 классе студенты изучают разные направления в литературе, знакомятся с нестандартными течениями писательского искусства.

Чтобы понять уровень овладения полученными знаниями, предлагается создать стихотворение совместно с искусственным интеллектом в стиле акмеизма, символизма и т. д. Студенты самостоятельно выбирают тему, направление для будущего результата, а количество строк оговаривается на занятии. Ученики задают промпт в ИИ, например, *предлагаю построчно создать стихотворение о природе. Литературное направление имажинизм. Ты начинаешь.* Затем редактируют результат, придумывают название, зачитывают перед публикой (одногоруппниками) стих, как читали ранее поэты. Коллеги оценивают полученный результат, выполнен ли он по заданным требованиям. Обязательное условие получения оценки — показать диалог с ИИ преподавателю.

8. *Проверь соседа и себя. Предмет: Русский язык. Тема: орфография (любая тема, к которой можно подготовить задание с ошибками).* Задача: разработать упражнение с ошибками для соседа, отдать на исправление, совершить перепроверку и посмотреть правильные ответы от ИИ.

В рамках контрольных точек по теме орфография студентам предлагается с помощью искусственного интеллекта на занятии разработать по запросу текст, состоящий из 5–10 предложений (обговаривается на паре), в котором должно быть от 10–20 орфографических ошибок. Обязательное условие — нейросеть не должна сразу выдать исправленный (правильный) вариант и объяснение совершенных ошибок. Генерировать текст разрешено на любую тему. После получения ответов студенты меняются заданиями, переписывают в тетрадь работу, исправляя ошибки. Третья часть — проверка переписанного материала студентами (обмен уже тетрадями, исполняют роль учителя, проставляют оценки). Работы сдаются преподавателю. В финале пары студенты просят искусственный интеллект выдать уже полученный текст, но без ошибок и с объяснением. Преподавателю присылают скриншоты диалога с ИИ.

Важно отметить, что медиаобразовательные методы с использованием искусственного интеллекта были проверены на трех нейросетях: АлисаAI,

GigaChat, ChatGPT. Обязательным условием правильных и чистых ответов — обновление внутри чатов (если подряд идут несколько пар с применением ИИ, то всегда лучше открывать новый чат). Кроме того, студентам обязательно нужно объяснить, по какому принципу нейросети создают текст по запросу, чаще всего в конце сгенерированного ответа есть ссылки на материал, из которого взята информация, а значит необходимо проверить, можно ли доверять источнику. Такой вид работы на занятиях действительно может помочь заинтересовать студентов изучать общеобразовательный цикл в колледже или техникуме, повышая при этом и мотивацию, улучшая внимание. Одновременно у учеников развивается и медиаграмотность, и навык фактчекинга, что обязательно в современном мире Интернета.

Литература:

1. Грицай, Л. А. Роль медиаобразования в формировании семейных воспитательных ценностей / Людмила Александровна Грицай // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2025. — № 1 (55). — С. 17–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-mediaobrazovaniya-v-formirovanii-semeynyh-vospitatelnyh-tsennostey> [дата обращения: 01.02.2026].
2. Гутентог, С. В. Медиацентр образовательного учреждения: опыт Байкальского государственного университета / Светлана Валентиновна Гутентог, Ирина Николаевна Демина // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2025. — № 1 (51). — С. 29–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsentr-obrazovatel'nogo-uchrezhdeniya-opyt-baykalskogo-gosudarstvennogo-universiteta> [дата обращения: 01.02.2026].
3. Корнев М. С. Фактчекинг: от термина и понятия к словоупотреблению / Максим Сергеевич Корнев // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2020. — № 6. — С. 72–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktcheking-ot-termina-i-ponyatiya-slovoupotrebleniyu> [дата обращения: 02.03.2026].
4. Психолого-педагогический словарь / Сост. В. А. Мижериков. Ред. П. И. Пидкасистый. — Ростов: Феникс. — 1998. — С. 241. [дата обращения: 02.03.2026].
5. Федоров А. В. Медиаобразование: История, теория и методика / Александр Викторович Федоров // Ростов-на-Дону: Изд-во ЦВВР. — 2001. — С. 708. URL: <https://ifap.ru/library/book560.pdf> [дата обращения: 02.03.2026].

6. Чельшева И. В. Развитие российского медиаобразования во второй половине XX — начале XXI века: теория, методика, практика / Ирина Викторовна Чельшева // М: МОО «Информация для всех». — 2016. — С. 207. URL: <https://ifap.ru/library/book576.pdf> [дата обращения: 03.03.2026].
7. Чельшева, И. В. Медиаобразование для педагогов: становление традиции / Ирина Викторовна Чельшева // Медиаобразование. — 2009. — № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobrazovanie-dlya-pedagogov-stanovlenie-traditsii/viewer> [дата обращения: 01.02.2026].

Формирование здорового образа жизни у детей дошкольного возраста: роль семьи и дошкольной образовательной организации

Чувайченко Ирина Олеговна, воспитатель;

Найн Мария Ивановна, воспитатель

ГБОУ СОШ «Образовательный центр «Южный город» пос. Придорожный м. р. Волжский Самарской области, структурное подразделение «Детский сад «Лукоморье» (Самарская область)

***Ключевые слова:** здоровый образ жизни, дошкольники, семья, дошкольное образование, питание, физическая активность, гигиена, режим дня, психологическое благополучие, здоровьесберегающая среда.*

Детство представляет собой особый этап в жизни человека, в течение которого закладываются основы физического, психического и социального здоровья. Приобретённые в этот период навыки и привычки оказывают влияние на всю последующую жизнь. Хотя ребёнка можно обучить различным видам двигательной активности — бегу, прыжкам, катанию на лыжах и другим движениям, — их практическая ценность будет минимальной без сформированной внутренней мотивации к занятиям.

Ключевая задача взрослого окружения состоит в формировании у ребёнка осознания ценности здоровья и устойчивого стремления вести здоровый образ жизни. При этом здоровый образ жизни следует рассматривать не как сумму усвоенных знаний, а как устойчивый стиль поведения и способность принимать адекватные решения в разнообразных жизненных ситуациях.

Формирование здорового образа жизни у детей дошкольного возраста является одной из важнейших задач семьи и системы дошкольного образования. Именно в возрасте от 3 до 7 лет закладываются основы физического, психического и социального благополучия ребёнка. В этот период формируются привычки, отношение к себе и окружающим, основы культуры здоровья.

Здоровый образ жизни дошкольника — это не только отсутствие заболеваний, но и активное физическое развитие, эмоциональное благополучие, сформированные навыки личной гигиены и безопасного поведения.

Общая цель работы по формированию здорового образа жизни у дошкольников заключается в развитии у детей целостного представления о здоровье, приобретении ими навыков осознанного соблюдения правил здоровьесбережения и воспитании ответственного отношения как к собственному здоровью, так и к здоровью окружающих людей.

К основным компонентам здорового образа жизни детей дошкольного возраста относятся:

1. Рациональное питание

Правильное питание является основой здоровья ребёнка. В дошкольном возрасте активно формируется обмен веществ, интенсивно растут органы и системы организма.

Основные принципы рационального питания:

- разнообразие рациона;
- достаточное количество овощей и фруктов;
- ограничение сладостей и продуктов быстрого питания;
- соблюдение режима приёма пищи;
- достаточный питьевой режим.

Важно формировать у ребёнка культуру питания: умение пользоваться столовыми приборами, аккуратность за столом, уважительное и благодарное отношение к еде.

2. Двигательная активность

Движение является естественной потребностью ребёнка. Регулярная физическая активность способствует:

- укреплению мышц и костной системы;
- развитию координации движений;
- профилактике избыточной массы тела и ожирения;
- формированию правильной осанки;
- укреплению иммунитета.

Рекомендуются:

- ежедневная утренняя гимнастика;
- подвижные игры;
- прогулки на свежем воздухе;
- занятия физической культурой;
- плавание, танцы, спортивные секции с учётом возраста и возможностей ребёнка.

2. Соблюдение режима дня

Чёткий и стабильный режим дня помогает формировать у ребёнка чувство защищённости и предсказуемости окружающего мира.

К основным элементам режима дня относятся:

- — полноценный сон (10–12 часов в сутки);
- — рациональное чередование периодов активности и отдыха;
- — регулярные прогулки на свежем воздухе;
- — время для спокойных игр и познавательных занятий.

Соблюдение режима способствует снижению утомляемости, повышению работоспособности и улучшению эмоционального состояния ребёнка.

3. Навыки личной гигиены

Формирование гигиенических навыков начинается с раннего возраста и требует систематической работы взрослых. Ребёнка необходимо учить:

- мыть руки перед едой и после прогулки;
- чистить зубы дважды в день;
- пользоваться носовым платком;
- следить за чистотой тела, волос и одежды;
- поддерживать порядок в личных вещах.

Взрослым важно объяснять значение гигиенических процедур доступным для ребёнка языком, использовать игровые приёмы и опираться на личный положительный пример.

4. Психологическое благополучие

Психическое здоровье не менее важно, чем физическое. Благоприятная эмоциональная атмосфера в семье и дошкольной образовательной организации формирует у ребёнка чувство безопасности и доверия к миру.

Для поддержания эмоционального благополучия дошкольника необходимо:

- проявлять внимание, заботу и поддержку;
- уважать личность и индивидуальность ребёнка;
- поощрять инициативу и самостоятельность;

- развивать навыки конструктивного общения со сверстниками и взрослыми;
- учить выражать эмоции социально приемлемыми способами.

Роль семьи и дошкольной образовательной организации

Семья играет ключевую роль в формировании привычек здорового образа жизни. Личный пример родителей является наиболее эффективным методом воспитания. Если взрослые сами соблюдают режим дня, рационально питаются, занимаются физической культурой, ребёнок естественным образом перенимает данные модели поведения.

Дошкольная образовательная организация дополняет и развивает семейное воспитание через:

- систематические занятия по физической культуре;
- закаливающие процедуры;
- тематические беседы и занятия по основам здорового образа жизни;
- использование игровых и проектных форм обучения;
- взаимодействие и просвещение родителей по вопросам сохранения и укрепления здоровья детей.

Только совместная, согласованная работа семьи и педагогов обеспечивает устойчивые результаты в формировании у ребёнка культуры здоровья.

Методы формирования здорового образа жизни

- К числу эффективных методов относятся:
- игровые технологии;
- сказкотерапия и другие виды арт-терапевтических приёмов;
- личный пример взрослых;
- поощрение и поддержка положительных привычек;
- организация здоровьесберегающей предметно-развивающей среды;
- проектная деятельность с участием детей и родителей.

При выборе методов необходимо учитывать возрастные и индивидуальные особенности дошкольников: обучение должно проходить преимущественно в игровой форме, быть наглядным, эмоционально насыщенным и посильным для ребёнка.

Таким образом, формирование здорового образа жизни у детей дошкольного возраста представляет собой систематический и целенаправленный процесс. Он включает развитие физических качеств и двигательных навыков, формирование культуры питания и гигиены, организацию рационального режима дня, а также создание благоприятной психологической среды в семье и дошкольной образовательной организации.

Заложенные в детстве привычки во многом определяют качество жизни человека в будущем, его социальную успешность и жизненное благополучие. Поэтому забота о здоровье ребёнка на дошкольном этапе является важнейшим вкладом в его гармоничное развитие и дальнейшую жизненную траекторию.

Литература:

1. Соловьева, С.Л. Здоровье дошкольника: пути формирования и сохранения / С.Л. Соловьева. — М.: Академия, 2018. — 192 с.
2. Сапожникова, Л.А. Формирование культуры здоровья у детей дошкольного возраста / Л.А. Сапожникова // Дошкольная педагогика. — 2020. — № 4. — С. 15–21.
3. Венгер, Л.А. Психологические особенности развития детей дошкольного возраста / Л.А. Венгер. — СПб.: Питер, 2017. — 256 с.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования: утв. приказом Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155 (ред. от 21.12.2020). — М.: Просвещение, 2021. — 64 с.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Произведения методической направленности Артёма Нижника петербургского периода

Самойленко Михаил Викторович, студент

Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова

Артём Александрович Нижник² — один из самых крупных современных композиторов, пишущих для баяна и аккордеона. В его творчестве присутствуют, как одночастные концертные сочинения («Гора крестов», «Сирин»), так и произведения крупной формы (Партита № 3 «Дежа Вю»), в том числе с участием оркестра («Маленьких триптих для аккордеона с оркестром»).

Артём Нижник внес большой вклад в развитие и обогащение репертуара методической направленности. С 2018 по 2022 год композитор работал в Санкт-Петербургском музыкальном училище им. Н.А. Римского-Корсакова, а также в Санкт-Петербургской государственной консерватории. Годы, проведенные в Северной столице, стали, пожалуй, самыми плодотворными, чему способствовала творческая атмосфера города. За период пребывания в Петербурге им написано несколько циклов для детского и юношеского возрастов. Каждый из них приобрел большую популярность в педагогической практике. В данной статье будут рассмотрены такие сочинения композитора, как «Литовская тетрадь», «Три детские пьесы», «Сонатина» и «25 маленьких историй». Так как данные произведения недостаточно глубоко рассмотрены в научной лите-

---

² Нижник Артём Александрович родился 18 июня 1980 г. в г. Артёмовске, Донецкой области, Украина. В 1998 г. с отличием окончил Артёмовское музыкальное училище (класс баяна Е. И. Власенко, композиции (факультативно) Б. Н. Семененко). В 2003 с отличием окончил Донецкую государственную музыкальную академию им. С. С. Прокофьева (класс баяна проф. В. В. Воеводин, композиции (факультативно) проф. С. А. Мамонов, дирижирования доц. Л. К. Поговой). Также в 2003 г. проходил обучение в Sommer Musik Akademie auf Schloss Waldegg (Летняя Музыкальная Академия, Швейцария) по классу баяна профессора Э. Мозер. В 2006 окончил ассистентуру стажировку при ДГМА им. С. Прокофьева (творческий руководитель — проф. В. В. Воеводин). С 2014 года — кандидат искусствоведения.

ратуре это определяет актуальность данной работы. Задача статьи заключается в кратком описании каждого сочинения в надежде, что это поможет будущим исполнителям глубже проникнуть в композиторский замысел.

Литовская тетрадь. Данный юношеский альбом в пяти частях Артём Нижник написал в 2019 году. В основе каждой части лежит подлинный фольклорный материал, хоть и довольно глубоко переработанный композитором.

1 часть — «Пастораль». Тематический материал этой части песенного склада. В фактуре присутствует полифоничность, а также элементы вариативности. Так, например, второе предложение повторяется, но с изменением мелодии и добавлением новых функций. Из специфических приемов игры автор использует вибрато. Появляясь на последнем аккорде, оно создаёт умиротворяющий и светлый образа.

2 часть — «Танец». Написана в форме темы и двух вариаций. В одной из вариаций автор использует прием тремоло. Напомним, что: *«тремоло исполняется быстрым равномерным чередованием разжима и сжима»* [1, с. 27]. Как считает Ф. Липс: *«Наилучший эффект достигается движениями левой руки <...> влево-вниз (разжим) и вправо-вверх (сжим), то есть по диагонали»* [1, с. 28]. Кода этой части строится на главном мотиве, который с каждым разом сокращается в размере и поднимается на тон выше, но после вариационного фрагмента, строящегося шестнадцатыми, вновь возвращается к первоначальному виду.

3 часть — «Юмореска», написана в форме периода. Здесь композитор прибегнул к интересным метроритмическим находкам, связанным с переключками материала в партиях правой и левой рук. Юмореска характеризуется обилием синкоп, что создает шутливый образ.

4 часть — «Песня». Медленная часть цикла, написана в трехчастной репризной форме. Мелодизм части кантиленного склада. Автором найдены интересные фактурные и гармонические решения. Так, например, в среднем разделе присутствует сопоставление минора и мажора, за счет появления то си-бемоля, то си-бекара. А элементы фактуры не только меняются местами между правой и левой рукой, но и видоизменяются.

Заключительная часть всего альбома — «Финал». Мелодизм имеет танцевальный характер. Помимо тремоло в этой части встречается трехдольный рикошет. По мнению С. Шмелькова для качественного исполнения данного приема *«необходимо следить за отчётливостью каждой доли»* [2, с. 20]. Быстрая и яркая часть придает циклу завершенный вид.

«Литовская тетрадь» насыщена интонациями и ладами, характерными для стран Балтии. Каждая часть направлена на развитие интонационного

багажа, образного мышления, а также на знакомство с новыми приемами игры и типами фактур. Весь цикл пронизан интересными фактурными решениями на выборной клавиатуре с учетом возможностей детского игрового аппарата.

«Три детские пьесы» написаны Артёмом Нижником в 2021 году. Цикл был написан по запросу юной девочки, которой хотелось сыграть что-нибудь из творений автора в начале своего обучения. Перед А. Нижником стояла задача уместить все композиторские задумки в небольшой по диапазону инструмент. При этом материал должен был отличаться понятностью, образностью и соответствовать техническим возможностям ребенка.

Первая пьеса — «Подозрительный гном». Эта пьеса строится на различного рода контрастах, в первую очередь артикуляционных, как по вертикали, так и по горизонтали. Такой специфический прием игры мехом, как деташе рисует злобное урчание гнома.

«Грустный единорог» выполняет роль медленной части. Данная пьеса знакомит исполнителя с первыми навыками полифонического мышления. Пьеса отличается спокойным характером и ритмической свободой.

Завершает цикл «Танцующий эльф». Виртуозная часть, выполняющая роль быстрого финала. Стремительное триольное движение обостряется расширенным понятием лада.

Формы первой и третьей частей — трехчастные. Вторая часть написана в форме двух периодов и коды. Все три пьесы написаны для детей, которые только начинают свой музыкальный путь и призваны расширить их интонационный арсенал.

Сонатина. Написана летом 2021 года. В этой пьесе композитор использовал идею создания сочинения на основе тематизма, подражающего по характеру фольклору. В основе лежат народные интонации славянских стран. Сонатина продолжает линию Артёма Нижника музыки для детей и подростков. Сочинение посвящено преподавателю Санкт-Петербургской консерватории Алексею Михайловичу Кузнецову.

I часть. Форма данной части сонатная. Тематизм главной партии скерцозного характера. Это создается за счет постоянных альтераций, а также скачков в мелодической линии. Побочная партия, наоборот, отличается песенностью и проходит в партии левой руки на фоне пульсации педали. Масштабная разработка практически полностью построена на материале побочной партии. На ее обращении также построен эпизод в разработке. В следствие этого, для компенсации, в репризе звучит только главная.

II часть. В этой части очень ярко слышны фольклорные истоки музыкального материала. Мелодизм — сугубо песенный. Это также подкрепляется обилием цезур. Форма этой части концентрическая. Фактура раздела А одноголосная, с добавлением педалей в конце каждой из двух фраз. Основной тематизм раздела В представляет собой монодию. Лишь в среднем разделе С пред нами предстает гомофонно-гармоническая фактура.

III часть. Форма третьей части имеет форму рондо. Тематический материал рефрена имеет скерцозный характер. Первый эпизод сохраняет моторное движение и в образном плане схож с главным разделом. Второй эпизод отличается песенностью материала, изложенного на фоне педали. Рефрен возвращается в измененном виде.

Данное сочинение написано для детей подросткового возраста и обладает серьезными техническими и музыкальными сложностями. Это требует от исполнителя владения мелкой и крупной техникой, а также наличия навыков интонирования.

25 маленьких историй. Над этим циклом Артём Нижник работал с 2019 по 2021 год. Автор отмечал, что в композиционном плане он следовал двум идеям. Первая — повторяемость материала в детской музыке, вторая — наличие ярких образов, которые привлекают внимание ребенка и заинтересовывают его. Данная тетрадь создавалась для юных исполнителей с целью расширить их технические возможности, обогатить образно-характерный багаж, а также познакомить их с новыми приемами игры.

Во всем цикле можно выделить 5 жанровых направлений, в которых написаны части: песенного характера, танцевальные, скерцо, марши и повествовательного (речитативного) плана. В Таблице 1 представлено подробное распределение каждой пьесы альбома по жанрам.

Таблица 1

Жанры	Песенного склада	Танец	Скерцо	Марш	Повествовательного характера
№ частей	1, 4, 7, 16, 18, 24	3, 5, 8, 9, 13, 14, 17, 22	2, 10, 12, 15, 19, 25	6, 21	11, 20, 23

Также цикл можно разделить на 5 образно-характерных сфер, к которым отсылают названия частей. Распределение можно увидеть в Таблице 2.

Таблица 2

Образная сфера	Сказочная	Мир природы	Животный мир	Мечтательная	Случаи из жизни
№ частей	1, 3, 9, 10, 16, 20, 23	2, 14, 18, 19, 24	5, 6, 11, 15	7, 8, 12, 13, 17	4, 21, 25

В пьесах присутствуют разнообразные пассажи, метроритмические и артикуляционные сложности. В пятой части цикла ребенок по желанию может добавить пение, подражая мяуканью котенка.

Композитор также знакомит юного исполнителя с различными приемами звукоизвлечения. В частях цикла встречаются: вибрато (в том числе достигаемое ударом в гриф инструмента), тремоло, кластеры, глиссандо (в том числе кластером); а также шумовые эффекты, такие как: глиссандо по клавишам без звука, воздушный клапан, удары по корпусу и меху.

Все вышеперечисленные циклы внесли огромный вклад в репертуар юных баянистов и аккордеонистов. Пьесы развивают интонационное мышление, мелкую и крупную технику, знакомят ребенка с новыми приемами звукоизвлечения. Произведения прочно вошли в педагогическую практику и, надеемся, что данная статья еще больше укрепит положение этой музыки в исполнительской среде и найдёт путь к сердцам слушателей.

Литература:

1. Липс. Ф. Р. Искусство игры на баяне. — М.: Музыка, 1985. — 27–28 с.
2. Шмельков. С. В. Формирование юного баяниста-аккордеониста. Учебно-методическое пособие. — М.: Пробел-2000, 2020. — 20 с.

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Russian language as a mediator in international communication in the advertisement's translation

Karabayeva Yenlik Serikovna, master's student

Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

In the era of globalization, cross-cultural communication determines the success of international brands. Advertising messages require deep cultural adaptation rather than mere semantic transmission. The article examines the Russian language as a mediator in translating English-language advertising texts and slogans for Russian-speaking audiences, ensuring the conveyance of emotional and cultural context. Drawing on the theories of skopos (Vermeer), dynamic equivalence (Nida), communicative translation (Newmark), and the concept of domestication (Venuti), the study analyzes three key aspects: adaptation of global brands, transformation of cultural meanings, and localization. Examples from the 2020s include campaigns by Coca-Cola, ASOS, Blackview, and Airbnb. In conclusion, the Russian language is an active semiotic agent contributing to effective vocalization.

Keywords: Russian language, international communication, translation, advertisement translation, localization, cultural transformation, global brands

In the age of globalization, international communication plays a crucial role in the prosperity of well-known international brands. Advertisement serves as a tool for promoting goods and services and requires far more than just literal translation — it demands profound adaptation to the cultural features of the target audience. The Russian language, with its rich history, grammatical complexity, and semantic depth, acts as a mediator in translating English advertising texts, transmitting not only literal meaning but also emotional and cultural connotations. This mediating role is especially important in Russian-speaking countries, where cultural traditions, historical background, and social norms differ markedly from those Anglo-Saxons cultures.

In fact, the mediating function of the Russian language in adapting international advertising can be explained through several influential translation theories. First,

Hans J. Vermeer's skopos theory posits that the primary criterion of translation is its purpose (skopos) in the target culture rather than formal equivalence with the source text [1]. In the advertising sphere, the main purpose of text is to persuasively affect potential consumers and identify brand names. Therefore, the process of adapting slogans and advertising messages into Russian must privilege communicative effectiveness within the Russian-speaking cultural environment over structural fidelity.

The theory of dynamic (functional) equivalence, which was described by Eugene Nida, emphasizes achieving an equivalence with the target audience rather than literal correspondence [2]. In the context of global advertising, this means that translation into Russian must convey the same emotional, cultural, and psychological responses as the original English-language texts and slogans.

Another important aspect of translation advertising texts is to distinguish between semantic and communicative translation, which was created by Peter Newmark. Whereas communicative translation focuses on the readership and seeks to transfer the same effect as the original [3].

Additionally, Lawrence Venuti's ideas of domestication and foreignization provide a useful framework [4]. In the process of adaptation advertisement for Russian market, domestication prevails: foreign brand messages are culturally localized to reduce the gap and increase identification. Here Russian language functions not only as a medium of translation but as a cultural filter that transforms globalized concepts into a locally meaningful message.

The current article is focused on 3 key factors: global brands adaptation, transformation of cultural significance, and localization. Modern examples from the 2020s illustrating how Russian facilitates effective intercultural communication will be examined. The analysis is based on real cases of global companies such as Coca-Cola, ASOS, and Airbnb, which have successfully managed to adapt their advertising to the Russian market.

Russian language, because of its lexical, idiomatic and connotative depth, allows anglophone advertising messages — often built on individualistic values, dynamism and immediate consumption — to be reconfigured to resonate with collectivist, emotional and traditional sensibilities typical of Russian culture. In this way, the language is not limited to being a linguistic vehicle but becomes a real intercultural bridge that avoids misunderstanding and enhances the identification of the consumer with the brand.

The process of adaptation of global brands entails not merely linguistic translation but also the integration of local values, ensuring that brands are perceived as one's own by the target audience. Russian makes it possible to integrate local elements that

transform a foreign brand's universal messages into culturally resonant ones. For example, in Coca-Cola campaigns of the years 2020–2021 (continuation of «Share a Coke»), the bottles incorporated popular Russian names (Ivan, Maria, Anna, Sergey), accompanied by slogans such as «Поделись Колой с другом», where the affective diminutive «Cola» evokes closeness and Russian festive tradition. As a result, the campaign significantly enhanced consumer engagement on social media, appealing directly to the sense of community and collectivism deeply embedded in Russian culture. This method of usage of the Russian language facilitated a deeper intercultural connection, transforming a globally standardized promotional concept into one that felt authentically local and emotionally compelling, thereby strengthening brand affinity and consumer loyalty in the Russian context.

Another prominent example is the British brand ASOS, focusing on fast and accessible online fashion. During the 2020s, ASOS strengthened its presence in the Russian market by carefully adapting its advertising and commercial strategy. Product descriptions originally in the English language were translated and reformulated considering Russian cultural preferences: rather than emphasizing the concept of «уличный стиль», strongly associated with western youth culture and a bolder or rebellious character, expressions such as «городской шик» or «повседневная элегантность» were used, reflecting traditional Russian values such as modesty, practicality and a more refined and discreet aesthetic in everyday dressing.

Localization is a complex process that includes translation, adaptation of visual materials, and integration of local elements. The Russian language mediates the process of adaptation and localization, guaranteeing an equivalent fusion of global and local.

An example is Blackview, a Chinese gadget brand. In 2023, the company localized advertising for the Russian-speaking audience: English slogans like «Tough as you» became «Надежный как русский характер», appealing to stereotypes of resilience.

Similarly, Airbnb localized the platform for Russian-speaking countries in the 2020s: The English descriptions of the «Cozy apartment» became «Уютная квартира в центре», with a focus on safety and hospitality — the key value for cultures of Europe and Central Asia.

To summarize, the Russian language emerges as a vital mediator of international communication in advertisement discourse, significantly contributing to the success and effectiveness of world-famous brands in the local markets. This language not only appears as a simple language channel, but it also acts as an active semiotic and cultural agent that provides the reconfiguration of imported advertising texts and slogans, enriching them with value, emotional framework, and social norms of the

target audience. Through processes of adaptation, meaning transformation, and localization, the Russian language bridges the distance between foreign individualistic, consumption-oriented messages, tradition-oriented, and emotionally resonant worldviews typical of Russian-speaking countries.

References:

1. Vermeer H. J. Skopos and Commission in Translational Action // The Translation Studies Reader / ed. by L. Venuti. — London; New York: Routledge, 2000. — P. 221–232.
2. Nida E. A. Toward a Science of Translating. — Leiden: E. J. Brill, 1964. — 331 p.
3. Newmark P. A Textbook of Translation. — New York: Prentice Hall, 1988. — 292 p.
4. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. — London; New York: Routledge, 1995. — 353 p.
5. Русский маркетинг и стратегия бренда: эффективные тактики локализации // Russia-Promo. — 2025. — URL: <https://russia-promo.com/blog/brand-marketing-strategy-adaptation-for-the-russian-market>

«Боривой». Поморское сказание: песня о подвиге далеких родичей

Смирнов Никита Алексеевич, студент

Научный руководитель: Васильева Елена Николаевна, зам. директора, преподаватель русского языка и литературы;

Научный руководитель: Карпова Светлана Евгеньевна, методист, преподаватель русского языка и литературы

Старорусский политехнический колледж (филиал) Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого

В статье рассматривается поэма Алексея Константиновича Толстого «Боривой» (1870) в контексте реальных исторических событий XII века. Проводится сопоставление художественного образа славянского князя Боривоя с его вероятным историческим прототипом — князем бодричей Никлотом, а также анализ Вендского крестового похода 1147 года и его отражения в литературном произведении. На основе исторических источников выявляются расхождения между поэтическим вымыслом и документальной хроникой, а также

рассматривается история народа бодричей (ободритов) как одного из крупнейших объединений полабских славян.

Ключевые слова: Алексей Константинович Толстой, «Боривой», полабские славяне, ободриты, Вендский крестовый поход, Никлот, историческая поэма, славянское язычество, Средневековье, Крестовые походы, героическая поэзия, поэзия XIX века, славянофилия.

Поэма «Боривой» была написана Алексеем Константиновичем Толстым летом 1870 года и относится к позднему периоду его творчества, характеризующемуся глубоким интересом к отечественной и славянской истории. Произведение создавалось в русле романтической традиции, для которой характерно обращение к героическому прошлому, идеализация национальных характеров и использование фольклорных мотивов.

Жанровая природа «Боривой» определяется как историческая баллада с элементами былинного эпоса. Толстой сознательно отходит от строгой документальности, создавая поэтическую версию событий, где центральное место занимает образ идеального князя-защитника. Следует отметить, что при работе над произведением поэт опирался на доступные ему исторические труды, в частности, на «Историю Дании» Фридриха Дальмана и, вероятно, на фундаментальный труд А. Ф. Гильфердинга «История балтийских славян» (1874), который появился практически одновременно с поэмой и отражал растущий в русском обществе интерес к печальным судьбам западных славянских народов [1].

Художественная манера Толстого в «Боривое» отличается использованием ярких метафор и сравнений, создающих эпическую картину сражения. Особую выразительность приобретает образ славянского флота, где боевые волынки, гудящие «как бешеные кони, ржут», становятся символом неожиданной и неодолимой силы, способной обратить врага в бегство одним своим появлением [3, с. 212]:

*«Плещут весла, блещут брони,
Топоры звенят стальные,
И, как бешеные кони,
Ржут волынки боевые».*

Сюжет поэмы строится вокруг конфликта между славянами-бодричами и иноземными захватчиками — датскими и немецкими крестоносцами под наставлением епископа Эрика [3, с. 210]. В то время как враги осаждают славянские земли, уверенные в лёгкой победе, князь Боривой со своим флотом нахо-

дится в походе, сражаясь с «немцем у Арконы». Получив известие о нападении на родину, он спешит на помощь и появляется в самый критический момент.

Кульминацией произведения становится сцена, где славянский флот наводит панику на противника, которого тут же жестоко разбивает в бою [3, с. 214]:

*«И под всеми парусами
Он ударил им навстречу:
Сшиблись вдруг ладьи с ладьями —
И пошла меж ними сеча».*

Епископ Эрик и его воины в ужасе бегут, поражённые произошедшим [3, с. 215]:

*Голосит: «Не пожалею
На икону ничего я,
Лишь в Роскильд у поскорее
Мне б уйти от Боривоя!»*

Основная идея поэмы — утверждение неотъемлемого права славян на свободу и независимость, прославление мужества и воинской доблести предков. Толстой создаёт романтизированный образ языческой эпохи, противостоящей воинственному христианскому Западу, что созвучно славянофильским настроениям второй половины 19 века. Победа Боривоя символизирует торжество справедливости и историческую правоту славянского мира.

В основе поэмы лежит историческое событие — Вендский крестовый поход (Wendenkreuzzug) 1147 года, который в советской и российской историографии также именуется Крестовым походом против славян [2, с. 23]. Эта военная кампания представляла собой захватнический поход европейских (саксонских, датских и польских) феодалов против вендов — полабских славян, проживавших на территории между реками Эльба, Траве и Одер [2, с. 25].

Поход был санкционирован папой римским Евгением III и провозглашался как священная война против язычников. Участникам обещалось полное отпущение грехов, как и за участие в походах в Святую землю [2, с. 26]. Инициатива исходила от саксонских князей, которые на рейхстаге во Франкфурте в марте 1147 года отказались от участия во Втором крестовом походе в Палестину, сославшись на угрозу со стороны язычников-славян [2, с. 27].

Знаменитый проповедник Бернар Клервоский сформулировал концепцию похода, а 11 апреля 1147 года последовала папская булла «Divini dispensatione», уравнивавшая поход против вендов с крестовыми походами на Восток [2, с. 28]. Примечательно, что в воззваниях звучали не только религиозные, но и откровенно колонизаторские мотивы: «Если крестоносцы пожелают, они могут за-

воевать самую лучшую страну для поселения. Хотя язычники скверны, их земля богато одарена мясом, мёдом и мукой» [2, с. 29].

Среди предводителей похода источники называют герцога Саксонии Генриха Льва, маркграфа Альбрехта Медведя, датских королей Кнуда V и Свена III (в поэме они фигурируют как Свен и Кнут «царственного рода» [4, т. 2, с. 245]), а также многочисленных епископов [2, с. 30]. Крестоносцы осадили две ключевые славянские крепости — Добин (Дубин) и Димин [2, с. 31]. Однако поход продлился всего около трёх месяцев и не достиг заявленных целей. Часть славян согласилась принять христианство, и осада Добина была снята. Под Димином крестоносцы также не добились решающего успеха [2, с. 33].

Толстой допускает ряд существенных отступлений от исторических фактов:

В поэме крестоносцы представлены как откровенно трусливые и карикатурные персонажи (особенно епископ Эрик), тогда как исторические источники свидетельствуют о серьёзной военной мощи противника [2, с. 35].

Также в произведении Боривой «бьётся с немцем у Арконы» до того, как поспешить на помощь родине. Исторически Аркона — культовый центр руяна на острове Рюген — была взята датчанами лишь в 1168 году, спустя 21 год после Вендского похода [4, т. 2, с. 310].

В финале произведения славяне одерживают полную и безоговорочную победу. В реальности Вендский поход, хотя и не привёл к немедленному завоеванию, стал важным этапом в многовековой германской экспансии на восток, завершившейся подчинением и германизацией полабских славян [2, с. 40].

Однако Толстой точно воспроизводит ключевую военную хитрость, описанную датским хронистом Саксоном Грамматиком: руяне (славяне острова Рюген), скрывая сравнительную малочисленность своего флота, по ночам отводили часть судов в море, а по утрам приводили их вновь, чтобы создать впечатление прибытия подкрепления [4, т. 2, с. 248].

Сам народ бодричей (ободритов, ободричей) представлял собой одно из крупнейших племенных объединений полабских славян, населявшее побережье Балтийского моря между реками Трава и Варна (территория современного немецкого Мекленбурга) [6, с. 453].

Согласно археологическим и письменным источникам, у бодричей уже в VIII–XII веках активно развивалось пашенное земледелие. Немецкий хронист Гельмольд свидетельствует, что в X веке бодричи платили епископам дань *«с каждого плуга, влекомого парой волов или одной лошадью, по мере зерна, 40 связок льна, 12 полновесных серебряных монет и ещё по монете сборщику»* [5,

с. 156]. Развиты были также промыслы (рыболовство, охота, бортничество) и торговля.

Древнейшим политическим и торговым центром бодричей был Велиград (Велеград) [1, с. 215]. Другие крупные города включали Старград (у вагров), Ратибор (у полабов), Зверин, Вишемир (позднее Висмар) и Вурле [7, с. 395].

Социальная структура характеризовалась формированием феодальных отношений. Выделялась прослойка имущей знати — «лучшие» и «знатные» люди, владевшие «дворами» (*curtes nobiles*) [5, с. 162]. Власть князя, первоначально выборная и утверждавшаяся вечем, со второй половины XI века стала наследственной [1, с. 230].

Уже в VIII–IX веках бодричи возглавляли союз родственных племён, успешно сопротивляясь набегам датчан и саксов. В хрониках упоминаются ранние правители — Вильчан, Дражко, Славомир и Чедраг, носившие титулы князей (*duces*) или даже «королей ободритов» (*reges obodritorum*) [1, с. 180].

В XI веке при князе Готшалке было создано крупное раннефеодальное объединение — Вендская держава, включавшая также часть лютичей [1, с. 250].

Готшалк, принявший христианство, пытался проводить политику христианизации, что вызвало недовольство языческой знати и привело к его гибели в ходе восстания 1066 года [5, с. 189].

Вендская держава просуществовала около столетия, однако после смерти князя Генриха Любекского в 1127 году начался распад, и к 1130-м годам земли бодричей оказались раздроблены на отдельные племенные княжения, что облегчило задачу германским завоевателям [1, с. 270].

В таком контексте наиболее вероятным историческим прототипом Боривоя является князь бодричей Никлот (ок. 1105–1160) — последний независимый правитель ободритов, возглавивший их отчаянное сопротивление в период Вендского крестового похода и последующих завоевательных кампаний Генриха Льва [1, с. 285].

Никлот упоминается в хрониках как один из наиболее последовательных противников германской экспансии. Интересно, что перед походом 1147 года он, как и многие славянские князья, поддерживал союзнические отношения с некоторыми немецкими соседями, в частности с графом Адольфом II Гольштейнским [5, с. 210]. Однако с началом крестового похода эти союзы рухнули [2, с. 32]. Во время кампании 1147 года Никлот организовал эффективную оборону. Хронисты отмечают, что он прибегал к различным военным хитростям, включая демонстрацию ложных передвижений войск и использование особенностей местности для нападений на противника [4, т. 2, с. 255].

В отличие от поэтического Боривоя, который остаётся живым и победоносным правителем, реальный Никлот погиб в бою. В 1160 году Генрих Лев предпринял новое масштабное наступление на земли бодричей. В одной из стычек, когда Никлот пытался прорваться из осаждённой крепости Верле, он был убит [1, с. 290]. Его гибель стала символическим рубежом — последнее крупное независимое славянское княжество на нижней Эльбе прекратило существование.

Толстой выбрал для своего героя имя «Боривой» (предположительно сравнимое с Борживоем I (чеш. Vořivoj I.) — первым историческим князем чехов, известным христианином-борцом с язычеством в собственной стране)

как более узнаваемое и «говорящее» для русского читателя, создав собирательный образ славянского князя-защитника, в котором воплотились черты Никлота и других героических вождей полабских славян.

Реальные итоги Вендского крестового похода 1147 года оказались далеки от той блистательной победы, которую описывает Толстой. Хотя непосредственного завоевания не произошло, поход имел важные последствия: он легитимизировал вооружённую агрессию против славян как «священное дело», уравнивая её с борьбой за освобождение Гроба Господня [2, с. 42]. На основе этого была создана идеологическая основа для последующего многовекового «натиска на Восток» (Drang nach Osten) [2, с. 45].

Ослабленные славянские княжества в последующие десятилетия пали под ударами Генриха Льва и датчан [1, с. 300]. К 1170 году на землях бодричей было образовано Мекленбургское славянское княжество, быстро подвергшееся германизации [1, с. 310]. Последние остатки полабских славян — племя древан — сохранялись до XVIII века в так называемом Венделанде на левом берегу Эльбы [6, с. 453].

При всех расхождениях с исторической реальностью, поэма Толстого отражает важную исторически философскую истину: борьба славян за свою свободу не была напрасной, она составила героическую страницу их истории, память о которой сохранилась в веках. Строки поэмы, описывающие возвращение Боривоя [3, с. 213], хоть и в плане явления абсолютно вымышленного персонажа, передают ощущение неодолимой силы, которую обретает народ, защищающий своё право на существование в жестоком и несправедливом мире.

Таким образом, «Боривой» А. К. Толстого представляет собой не историческую хронику, а романтическую, даже эпическую балладу, в которой поэтический вымысел и красивое слово служат главной цели — созданию вдохновляющего образа героического прошлого и утверждению основополагающей

ценности не простой свободы вершить собственную судьбу, а борьбы за право ей обладать.

Литература:

1. Гильфердинг, А. Ф. История балтийских славян / А. Ф. Гильфердинг. — Москва: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2022. — 634 с. — ISBN 978-5-907505-33-9. (Примечание: в современной перепечатке используется это издание; в вашей работе допустимо указать оригинальный год и место издания: СПб., 1874).
2. Грацианский, Н. П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века / Н. П. Грацианский. — Москва: Госполитиздат, 1943. — 64 с.
3. Толстой, А. К. Боривой: Поморское сказание / А. К. Толстой // Полное собрание стихотворений: в 2 томах / А. К. Толстой. — Ленинград: Советский писатель, 1984. — Т. 1. — С. 210–215.
4. Саксон Грамматик. Деяния данов: в 2 томах / Саксон Грамматик; перевод с латинского А. С. Досаева. — Москва: SPSL: Русская панорама, 2017. — (MEDIÆVALIA: средневековые литературные памятники и источники). Т. 1: Книги I–X. — 2017. — 608 с. — ISBN 978-5-93165-370-9. Т. 2: Книги XI–XVI. — 2017. — 488 с. — ISBN 978-5-93165-371-6.
5. Гельмольд из Босау. Славянская хроника / Гельмольд; перевод с латинского Л. В. Разумовской. — Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963. — 300 с.
6. Бодричи // Большая советская энциклопедия / главный редактор А. М. Прохоров. — 3-е издание. — Москва: Советская энциклопедия, 1970. — Т. 3. — С. 453.
7. Дорошенко, В. В. Ободриты / В. В. Дорошенко // Советская историческая энциклопедия / главный редактор Е. М. Жуков. — Москва: Советская энциклопедия, 1967. — Т. 10. — Стб. 395–396.

Научное издание

Исследования молодых ученых

Выпускающий редактор Г.А. Письменная
Ответственные редакторы Е.И. Осянина, О.А. Шульга, З.А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О.В. Майер

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 17.03.2026. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 5,8.
Тираж 300 экз.

Издательство «Молодой ученый».
420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»,
Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.